

Военные
Приключения

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

АРКАДИЙ ПЕРВЕНЦЕВ

Военные приключения

Аркадий Первенцев

Огненная земля

«ВЕЧЕ»

Первенцев А. А.

Огненная земля / А. А. Первенцев — «ВЕЧЕ», — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-7516-0

В книге известного писателя Аркадия Первенцева рассказывается об одном из героических эпизодов Великой Отечественной войны: о самоотверженности и мужестве советских моряков-десантников, которые в невероятно трудных условиях, небольшой группой, сумели захватить и удержать плацдарм на Крымском полуострове, названный Огненной землей из-за горячих боев, развернувшихся на этом участке.

ISBN 978-5-4484-7516-0

© Первенцев А. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	40
Глава девятая	43
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	51
Глава двенадцатая	55
Глава тринадцатая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Аркадий Алексеевич Первенцев

Огненная земля

Часть первая

Глава первая

Вторые сутки непрерывно шел дождь. И хотя кончался сентябрь и листья желтели, дождь был шелковый, как называли его жители Рионской низменности. Словно просеянные сквозь сито, сверху сыпались и сыпались мелкие росинки. Теплыми струйками сбегали они по лицу и рукам, не покрывая кожу рябью, не охлаждая ее. Но невесело было жить под надоедливой моросью, день и ночь дышать паром, поднимающимся над этим влажным краем, покрытым роскошной растительностью. Может быть, и в древние времена вот так же вставали из девственного краснозема могучие стволы грабов и буков, так же текла серая река и по берегам ее, в зарослях папоротников и самшита, плакали и хохотали шакалы, звенели южные лягушки и приникали к воде ярко-зеленые ящерицы с настороженными глазами.

...По пробитой в приречном лесу дороге возвращался в город капитан Николай Александрович Букреев на доброезжей кабардинской лошади чисто вороной масти, редкой для этой породы. Букреев, начальник штаба недавно сформированного батальона морской пехоты, ушедшего морем в Геленджик, задержался в тыловом портовом городе П., чтобы закончить служебные дела. Сегодня он сдал стрельбище горнострелковому полку, подходившему сюда из Махарадзе.

Вспоминая сдачу, Букреев улыбнулся, еще раз представив себе унылое, вытянутое лицо майора, принимавшего залитое водой стрельбище, плоские его щеки, обрызганные грязью, и неодобрительное: «Так... так».

Майор покинул его на развилке лесной и шоссеиной дорог, отправившись навстречу полку.

Сплетенные вершинами грабы и дубы почти не пропускали дождя, но по дороге, изрезанной колесами арб, текли ручьи. Иногда отягченные листья деревьев как бы отряхивались, и тогда сверху слетало облачко теплой воды. Опутанным лианами деревьям было душно. Букреев невольно расстегнул ворот, распустив завязанный на шее синий казачий башлык. Кое-где лежали мертвые деревья, на их трухлявой коре выросли корончатые грибочки и притаились ящерицы и саламандры. Между деревьями, вперемежку с густыми зарослями боярышника, дуба и лавровишни, поднялись гигантские папоротники.

Много очарования было в этой первобытной природе, в ее открытой красоте, силе и стремлении к солнцу и свету. Все тянулось кверху: травы, кустарники, деревья, и даже плющ, приликая к каждой трещинке коры, доползал до света.

Капитан держался в седле с той ловкой и завидной осанкой, в которой долголетняя строевая выучка сочетается с непринужденностью горского наездника. Он сдерживал кобылицу на хорошем шаге, почти незаметно «подрабатывая» шенкелями ее поджарые бока и легко пошевеливая поводьями. Кобылица косила глазами, когда через дорогу, поблескивая черно-сизыми кольцами, проползали змейки. Всадник тогда пригибался к вороной шее лошади и тихонько посвистывал. Лошадь успокаивалась и снова цепко перебирала своими крепкими копытами, чуть покачивая крупом.

Чувствовалось, что всадник и лошадь хорошо понимали друг друга, – давно «сработались», как шутя говорят кавалеристы.

На Букрееве была удобная для верховой езды венгерка, подпоясанная широким ремнем, с пистолетом в обношенной кобуре, плотно прилежавшей к бедру. На лице, сильно тронутым летним загаром, почти не было морщин, хотя по начинавшему тяжелеть подбородку и еле заметным складкам у ушей Букрееву можно было дать не меньше тридцати пяти лет. Его черные влажные глаза иногда непроизвольно хмурились; это меняло его лицо, придавая ему так называемое «командирское выражение».

Позади капитана ехал вестовой – узбек Хайдар; он был в намокшей шинели, заткнутой концами за пояс, с винтовкой за спиной. Хайдар зло понукал низкорослую «черноморку», лошадку с грубоватой головой, с мощным, несколько растянутым корпусом и широким крупом. Вестовой старался держаться уставного интервала, определенного для коновода, то есть быть корпусом не ближе чем на одну лошадь, не наседать и не притираться сбоку. «Черноморка» с трудом нагоняла размашистый шаг кабардинки.

Выехав из лесу к реке, на битую песчаную дорогу, капитан перевел кобылицу на полуиноходь, или «ходу», удовлетворенно наблюдая, как, вытянув шею, «стелется» его кабардинка. Ритмичное причмокивание подков позади доказывало, что Хайдар не отстал. Тогда Букреев перевел свою лошадь на карьер, используя хороший мах кабардинки, который обычно является ее отличительной особенностью. Кобылица охотно пошла карьером. Букреев чувствовал под собой ход лошади, напряжение ее мускулистого тела, постепенное усиление горячего дыхания; он привычно ощущал теплоту ее кожи, видел ее взмокший подгривок, пену, которая сейчас взбивалась у подпруг, у нахвостника и оголовья.

Дождь теперь стегал по лицу, несмотря на удивительное спокойствие воздуха. На родине Букреева, в Архангельской области, такой дождь называют косохлестом. Будто ветер сорвал его со студеных туч и понес.

Реон катился, облизывая дымные камни. Кое-где на взрыбленном плесе реки закручивались ленивые водовороты, плыла щепка, сброшенная в верховьях лесотесами, неслись похожие на толстый камыш стебли бамбука и пожухшие листья лапины.

Впереди, за железнодорожным мостом, повисшим над рекой, угадывалось море. За мостом, в затоне, торчали мачты судов, приведенных сюда с Азовского моря, с Дона и Кубани в период нашего отхода. Возле домика с тонкими очертаниями веранд и крыш росли драцены, напоминавшие пальмы. Стадо коз, позванивая колокольчиками, миновав домик, взбиралось на насыпь. Мальчишка в бараньей шапке, скользя босыми ногами по откосу, сгонял коз, крича и швыряя в них камни. Очевидно, по всему необъятному миру рассыпаны вот такие мальчишки, так похожие друг на друга пастушата, беспокойные, крикливые, созревающие вблизи природы.

Букреев по-новому рассматривал сейчас места, по которым столько раз проезжал равнодушно. Близилось расставание, и, кто его знает, придется ли снова вернуться сюда. В юности также была покинута родная Архангельщина, потом Средняя Азия, где он учился в Ташкентском пехотном училище. Отлично окончив школу, он был направлен в погранвойска на Кавказ. Пятнадцать лет – на заставах, десять из них – на Черном море. Ему приходилось пробираться по тропам, там, где лошадь не могла пройти, скакать по приморскому шоссе, выходить на сторожевиках в море, а то ночами выжидать фелюги контрабандистов и диверсантов, приткнувшись где-нибудь у темной скалы. Он и сердце-то испортил себе на своей беспокойной службе, и сейчас приходилось прислушиваться к нему.

Лошадь давно уже перешла на шаг. Букреев оглянулся назад и кивком головы подозвал вестового. Хайдар заехал с левой стороны. На своей мелкой «черноморке» высокий узбек был почти на голову ниже капитана.

- Не совсем еще раскис, Хайдар? – спросил Букреев.
- Тело еще сухое, товарищ капитан, – ответил Хайдар.
- Может быть, сегодня в последний раз верхом, Хайдар?
- Это очень плохо, – сказал Хайдар и сжал губы.

– Мою «Марфушу» сберегай. Она хорошая лошадка. – Букреев потрепал ее ладонью по шее. – Она умная, Хайдар. Меня понимает. Ишь, как она меня слушает, ухом стрижет.

– Возьмите меня с собой, товарищ капитан, – осторожно попросил Хайдар.

– Ну, брат, – Букреев вздохнул, – видно, не суждено тебе побывать еще и в морской пехоте. Останешься здесь, Хайдар. Дождешься нас... Пока будешь в горнострелковом полку. Я тебя порекомендую хорошему командиру, Хайдар.

– Очень плохо, товарищ капитан, – сказал вестовой и отвернулся.

Очевидно, ему было тяжело, и Букреев, прекратив разговор, въехал на мост. Копыта застучали по доскам, кони приободрились, но, перейдя мост, окунулись по бабки в жидкую грязь. Мингрельцы, ехавшие на волах к городу, сидели под бурками, как птицы.

В городе, по бровкам каменных мостовых, с тихим ворчанием катилась как бы уставшая вода. Несколько краснофлотцев, подкатав брюки, перебежали улицы. Под зонтиками возвращались с базара две привлекательные женщины с кошелками, наполненными оранжевыми мандаринами первого сбора. Женщины мило улыбались, оглядываясь на молодых приветливых ребят в гвардейских бескозырках, на которых было начертано: «Красный Крым».

У почтово-телеграфного отделения Букреев соскочил с лошади.

– Выведи коней. Ишь, как мы их нагрели. Да смотри, не давай пить, Хайдар! Видишь, тянется. Ни в коем случае не дай напиться.

Хайдар поддернул поводом уздечки нагнувшуюся к луже кабардинку и прикрикнул на кобылицу, когда она пыталась вырвать повод из его рук.

– Балует! – сказал пожилой крестьянин, проходивший улицей.

Букреев, отбросив концы башлыка за спину, быстро вошел в здание почты. Ему нужно было сообщить жене, жившей с двумя детьми в Самарканде, что он не может сейчас выписать ее сюда, как обещал. Ей, конечно, тяжело будет узнать это, но ничего не поделаешь. Стараясь не показать столпившимся у телеграфного окошечка людям свое настроение, Букреев взял бланк и отошел к столику, залитому чернилами и закапанному клеем. Он написал телеграмму крупным четким почерком, как будто эти отлично выписанные буквы, как бы доказывающие его спокойное душевное состояние, могли видеть жена и две его дочурки. «Связи переездом другую квартиру выезд задержи целую любя. Николай». Он перечитал телеграмму, поджав губы и улыбаясь глазами. «Кажется, никакого разоблачения военной тайны нет, – подумал он. – А из Геленджика я ей напишу подробней о дальнейших планах».

Женщины уступили ему очередь у окошка. Девушка, перечитывавшая его телеграмму, понимающе усмехнулась и выписала квитанцию. Букреев вышел на крыльцо, ловко прыгнул в седло и молча поехал к пристани.

В порту было оживленно. Подходила колонна машин с продовольствием и снарядами. Ящиков было много, их складывали штабелями, и часовые мелом метили их косыми крестами, как обычно метят кирпич в кладке. На баржу катили бочонки с рыбой и солониной, лебедками подавали в трюм ящики со снарядами и авиабомбы. Стоял разноголосый говор, перекрываемый иногда криками старшин, руководивших погрузкой. Пахло сыростью, намокшими пеньковыми канатами и водорослями.

– Начинают тащить снаряды, значит, наступать будем, – сказал военный в дождевике своему спутнику, высокому и худому артиллеристу.

– Не знаю, ничего не знаю, – пробасил артиллерист.

– Бог войны – ничего не попишешь: его кормить нужно.

Военный в дождевике прислушался к сигналам с кораблей.

– Кажется, Курасов возвращается из Батуми – быстро он смотался. Только позавчера туда прошел...

В бухту на буксире входил танконосец, переоборудованный из корпуса недостроенного тральщика. К нему, в свою очередь, были прибуксированы понтоны, в кильватер плывущие два

металлических эллипсоида. На танконосце виднелась дощатая будочка и вокруг нее десятка два фургонов – «студебеккеров».

Танконосец сопровождался сторожевыми кораблями, резво ошвартовавшимися у пирса. Люди из их команды были очень веселы.

Вновь прибывших моряков окружили офицеры кораблей, стоявших в порту. Послышались смех, шутки.

Знакомый Букреева, дежурный по порту капитан третьего ранга Хохловцев, остановился возле него:

– Курасов идет флагманом конвоя. Представьте себе, совсем молодой человек. Ну, сколько ему? Двадцать один – двадцать два? А уже два боевых ордена! А все потому, что имел возможность повоевать при таком командире дивизиона, как Звенягин. А тут мокни в этом проклятом Квакенбурге!

Хохловцев с досадой махнул рукой и пошел к веселой группе моряков, окруживших огромного детину, спрыгнувшего со сторожевика.

– Шалунов! Привет, Шалунов! – еще издали крикнул Хохловцев. – Кто это тебя искалечил?

Хохловцев затерялся среди офицеров, столпившихся вокруг Шалунова. На палубе сторожевого корабля-флагмана показался Курасов, невысокий молодой человек, с не улыбчивыми чуть раскосыми глазами. Курасов был в кожаном реглане, сдвинутой набок фуражке и сапогах выше колен. Равнодушно оглядев Букреева, лошадь, коновода, он отвернулся и смотрел теперь в ту сторону, где виднелись серые громады линкора и крейсеров.

Букреев поехал к своему штабу.

В небе ровно гудел самолет. Люди удивленно поднимали вверх головы, вслушивались.

Букреев остановился возле двухэтажного дома с балконом и фигурной орнаментовкой окон. У ограды, под ветвями магнолий, протянувшимися из сада, понуро стояли оседланные лошади, забрызганные грязью по самые уши. Коновод, увидев офицера, быстро встал и заморгал сонными глазами.

– Хайдар, сегодня никуда не поедем. Можешь отвести на конюшню, – распорядился капитан, – а потом принесешь обед и купишь бутылку вина.

В доме, куда вошел Букреев, квартиреры горнострелкового полка, стуча каблуками и оставляя следы на полу, вымеряли шагами комнату и отмечали что-то мелом на стенах.

– Мы тут думаем перегородить, товарищ капитан, – сказал интендант. – Вот здесь разместим...

– Не советую обживаться, – перебил его Букреев. – Вас здесь надолго не задержат, – сказал он и прошел в свою комнату.

Здесь стояли две кровати, письменный стол и несколько пальм в зеленых кадках. Два окна выходили в сад, куда новые хозяева успели завезти полевую кухню. На дорожке между олеандрами кряжистый красноармеец, сверкая топором, рассекал дубовые поленья. Дорожка, еще недавно любовно посыпаемая песком, теперь была истоптана конскими копытами и сапогами. Ручьи уносили листья и лепестки цветов.

Букреев разделся и переменял все, вплоть до белья и сапог. Красноармеец успел затопить печь в кухне, и из трубы повалил густой дым, поднявшийся выше магнолий и зонтичных верхушек драцен.

Хайдар пошел в столовую.

Из окон, обращенных к порту, была видна стоявшая эскадра.

Хайдар принес обед, и Букреев задержал его. Было тяжело расставаться с ним, сопутствовавшим ему уже около трех лет, но кому-то нужно было оставаться, хотя бы для того, чтобы сохранить лошадей и не отдать их в чужие руки. Да и в морскую пехоту Хайдар не подходил,

так как в десанте нужен был безупречно здоровый вестовой, а Хайдар, будучи тяжело ранен при разгроме диверсионной группы врага, не совсем хорошо владел левой рукой.

- Сегодня мы выпьем с тобой вместе.
- Нет, – Хайдар покачал головой.
- Почему нет? – улыбнулся Букреев.
- Потому что мне плохо на сердце, товарищ капитан.
- Вот видишь, кроме корявой руки у тебя еще и сердце того...
- У меня сердце хорошее.
- Ну, тогда давай выпьем. Может быть, в последний раз с тобой пьем.

Хайдар поднял внимательные, настороженные глаза. Стакан, поданный ему капитаном, дрожал в его руке.

- Будьте живы и будьте здоровы, мой товарищ капитан.
- Вестовой залпом выпил стакан вина, вытер ладонью губы.
- Разрешите выйти, товарищ капитан.
- Ну, ты что это, Хайдар? Как тебе не стыдно, дружище?
- У Хайдара подрагивали губы, глаза увлажнились.
- Хочу вам... всего хорошего, товарищ капитан.
- Ну иди... Только тебе не идет быть таким, Хайдар. Я люблю тебя веселым.

Вестовой вышел, и капитан в одиночестве докончил обед. Выпитое вино вернуло хорошее расположение духа, но расслабило тело. Букреев прошелся по комнате, поежился от сырости и хотел было немного вздремнуть, но, вспомнив, что до сих пор не были погружены остатки хозяйственного имущества батальона, позвонил в порт. В трубке послышался глухой голос Хохловцева, уверившего начальника штаба, что все, что должно быть направлено к фронту, грузится сейчас на караван Курасова. «Пока у тебя, Букреев, имеются такие приятели, как некто Хохловцев, можешь спать спокойно».

- За дверьми Хайдар затеял с кем-то перебранку.
- Хайдар! – закричал капитан.
- Вестовой вошел. На темной коже его щек проступили красные пятна.
- Ты с кем там, Хайдар?
- Там один моряк.
- Ко мне?
- К вам, товарищ капитан.
- Что же ты там шумишь?
- Я просил его подождать.
- Почему же он должен ждать?
- Я думал, вы легли отдыхать, товарищ капитан.
- Хайдар, ты на моих глазах портишься. Так нельзя. Откуда он, из порта?
- Хайдар помялся.
- Чего же молчишь?
- Из Геленджика, товарищ капитан.
- Из Геленджика? И ты его не пускаешь? Пусть войдет!

Хайдар впустил широкоплечего человека в мокром плаще с откиннутым капюшоном и в бескозырке с надписью: «Севастополь». Моряк, назвавшийся старшиной второй статьи Манжулой, протянул Букрееву пакет. В коротком предписании командира базы контр-адмирала Мещерякова Букрееву было приказано немедленно выехать в Геленджик, захватив с собой тридцать матросов, списанных с крупных кораблей эскадры в морскую пехоту. Старшим команды назначался Манжула. В частной записке, приложенной к предписанию, контр-адмирал, называя Букреева по имени и отчеству, просил поторопиться, «так как с Тузиным дело обстоит неважно».

Тузин был командиром батальона, непосредственным начальником Букреева. С ним Букреев прослужил больше двух лет. Прочитав еще раз записку, капитан подумал: «Что же могло стрястись с Тузиным?»

– Вы знаете майора Тузина? – спросил Букреев Манжулу.

– Майор Тузин наш командир батальона, товарищ капитан.

– Когда вы его видели, товарищ старшина?

– Перед отлетом, товарищ капитан.

– Так вы сюда добивались по воздуху?

– Так точно, товарищ капитан. Я прибыл сюда на попутном торпедоносце.

– Вам посчастливилось благополучно добраться сюда, товарищ Манжула. А с аэродрома – неужели пешком? Позвонили бы, я выслал бы вам верховую лошадь.

– От аэродрома я доехал на бензозаправщике, товарищ капитан.

На прикладе его автомата было что-то изображено. Зная не поколебленную запрещенными склонность моряков к татуировке, Букреев не удивился, что и автомат подвергся этой сложной операции. Приподняв приклад, он увидел на нем выжженную фигуру матроса со знаменем в руках и слова: «Мсти за погибших товарищей! Вперед, до Берлина!»

– Ну что же, вы, очевидно, устали. Идите пока отдохните и покушайте. Понял, Хайдар?

– Так точно, понял, товарищ капитан.

Букреев обратился к Манжуле.

– Примем команду и, вероятно, отправимся в Геленджик морем. В такую погоду воздухом долго не выберемся. Может быть, успеем повоевать на Тамани. Как там дела, Манжула?

– Там хорошо, товарищ капитан. Там сейчас наши ребята из двести пятьдесят пятой Краснознаменной морской стрелковой бригады. Раненых они мне привезли в Геленджик. Говорили, что бьют немца на Тамани видимо-невидимо, товарищ капитан.

– Да, это уже хорошо. Но нам тоже войны хватит еще, Манжула.

Букреев подошел к окну, снова посмотрел на корабли, серевшие в этой будто подожженной воде. Манжула выхватил из кармана какую-то тряпицу, быстро вытер на полу лужу от воды, стекавшей с его плаща. В движениях Манжулы была видна сноровка служившего на корабле моряка. Потом он сделал шаг к окну, посмотрел на линкор. Букреев заметил, как сжались кулаки у Манжулы, а на лице появилось выражение скорби и безмолвного восхищения.

– Вы давно с линкора, товарищ Манжула?

– Больше года, товарищ капитан.

– Скучаете по корабельным товарищам?

– Их почти не осталось на линкоре. В пехоту ушли, на берег. Скорее бы в Севастополь, товарищ капитан.

– Вот постараемся вместе до него добраться.

– Скорее бы, а то уже три пары подметок сносил на этом Кавказе.

– Ну, кушать и отдыхать. Даю два часа, товарищ старшина.

Хайдар недовольно насупился и вышел первым. Манжула энергичным движением вскинул руку и на половине лба разжал кулак. Так приветствовали многие моряки, впрочем, как и армейцы. Четко повернувшись кругом, он с левой ноги, печатая шаг, направился за Хайдаром.

Перечитав записку контр-адмирала, Букреев задумался. Он созвонился с Хохловцевым и попросил его помочь устроиться до Геленджика. Хохловцев обещал связаться с Курасовым и одновременно порекомендовал лично договориться с ним. Букреев тотчас же отправился к Курасову.

Глава вторая

Капитан-лейтенанта Курасова Букреев разыскал в кают-компании, в обществе молодых офицеров конвоя, шумно заканчивающих ужин. В кают-компании никого, кроме них, уже не было, и румяные, крутогрудые подавальщицы, столпившиеся поодаль у колонны, обвитой можжевельными ветвями, прыскали, наблюдая за веселой молодежью. Офицеры сидели за двумя сдвинутыми вместе столами и следили за Шалуновым, пытавшимся «на спор» разрезать левой рукой крупный белобокий арбуз.

Войдя в кают-компанию, Букреев, незамеченный, остановился у колонны. Курасов с секундомером в руках был, очевидно, «судьей», а может быть, и участником пари. Шалунов черкнул ножом по толстой корке арбуза и только чуть-чуть ободрал ее.

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, – отсчитывал секунды Курасов.

– Не спеши, – попросил Шалунов, придерживая выскальзывающий из рук арбуз.

– Надо уметь, уметь надо, – подтрунивал Курасов, – двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Шалунов решил резать «от себя». Он сел, уперся в стол локтем правой руки, которой прижал к себе арбуз, и повертел в воздухе ножом. Лицо его стало злым. Может быть, и в самом деле трудно разрезать арбуз левой рукой, может быть, мешала рана на руке, но и вторая попытка окончилась неудачей. Арбуз соскользнул с блюда. Подхваченный десятком загорелых рук, под дружный хохот, он был снова водружен на блюдо. Курасов спрятал секундомер. Шалунов дурашливо запричитал: «Проиграл, проиграл, проиграл...» Тогда Курасов вынул небольшой плоский кинжальчик, висевший у него на поясе в ножнах.

– Теперь дайте его мне, астраханцу.

– Флагман! Ставлю дюжину бутылок «Букета Абхазии», если отхватишь шляпку с одного маха, – воскликнул Шалунов, вскочив со стула.

– Держите его, а то откажется! – крикнул Курасов. – Ну, учись, Шалунов, у нас, у астраханцев, у арбузников!

Курасов прикусил нижнюю губу и, схватив арбуз, одним взмахом срезал макушку, перевернул арбуз и срезал вторую.

– Туш, Курасову, туш! – крикнул он шутливо.

– Я проиграл, Курасов! За мной «Букет Абхазии», если завернешь в Сухуми, а если не завернешь, то в Геленджике ставлю на стол равноценные «Черные глаза». За все убытки я выговариваю себе с этого арбуза серединку, – сказал Шалунов.

– Серединку? – протянул Курасов, подвернув рукава. – Я разрежу его так, что серединки не будет. Это тоже надо уметь. Я делаю так... – Курасов опять прикусил губу, пригнулся и покрутил кинжальчиком. – Девушки, можете учиться, как нужно правильно резать арбуз. Ближе, ближе! При вашей профессии пригодится...

Подавальщицы, стыдливо подталкивая друг друга и пересмеиваясь, подошли поближе. Тут Курасов заметил Букреева, стоявшего в тени колонны и с улыбкой наблюдавшего молодое веселье.

Курасов опустил нож. Сначала вспыхнули его уши, а потом краска расплзлась по всему лицу.

– Чего же, Курасов? – спросил Шалунов. – Я мечтал постичь твое искусство.

Но теперь все заметили капитана в армейской шинели и сразу замкнулись.

– Я к вам, товарищ Курасов, – сказал Букреев. – А здорово справились вы с арбузом!

Курасов подал руку и, не глядя на Букреева, сухо спросил:

– Чем могу служить, товарищ капитан?

Курасов слушал Букреева, собрав у глаз мелкие морщинки, это сразу изменило его смуглое лицо, молодого, немногим больше двадцати лет, человека. Одновременно он искоса неодобрительно наблюдал за Шалуновым, неумело разрезавшим арбуз. Нож Шалунова косил и не доходил до середины; арбуз сам не распался на ломти, как должно было быть, середина осталась нетронутой.

– К сожалению, я не могу захватить вас в Геленджик, – сказал Курасов, рассматривая забрызганные песчаной грязью шпоры Букреева.

– Вам должен был звонить капитан третьего ранга Хохловцев.

– Он мне не звонил, – сдержанно сказал Курасов, – а даже если бы он мне и звонил, что же такого? Он не может приказать мне. Я сам отвечаю за караван, за корабли, за груз и за пассажиров. Но, к счастью, пассажиров мы не берем.

– Но почему?

– Потому что наши «гиганты» не приспособлены для перевозки пассажиров. Да у нас и места нет. Вы же знаете, что такое «морской охотник», товарищ капитан?

Курасов взял ломоть арбуза и сосредоточенно принялся выковыривать острием кинжала семечки, густо усыпавшие сахаристую мякоть.

– Но вы поймите, я направляюсь к фронту, в действующую армию.

– А кто из военных сейчас не направляется к фронту, в действующую армию? Если бы я брал всех, мне бы на корабле негде было повернуться.

Курасов, очевидно, твердо решил отказать. Лицо Курасова как бы говорило: «Все, товарищ капитан. На вашем месте я бы ушел».

Букреев решил сдержать свое раздражение.

– Тогда простите, товарищ капитан-лейтенант. – Он щелкнул шпорами.

Шалунов вздохнул, пожал плечами и дружелюбно улыбнулся Букрееву.

Курасов провел по Букрееву холодным взглядом узких, чуть раскосых глаз.

– К сожалению, ничего не могу.

– Жаль. Если бы меня сегодня не вызвал контр-адмирал Мещеряков, я бы мог не торопиться так.

– Мещеряков? – переспросил Курасов. – Вас вызывает контр-адмирал Мещеряков?

– Я еду к батальону.

– К какому батальону? – быстро спросил Шалунов, отодвигаясь от стола вместе со стулом.

– К отдельному батальону морской пехоты в Геленджик. Со мной отправляется команда, тридцать краснофлотцев, списанных в пехоту.

Курасов смущенно улыбнулся.

– Простите, товарищ капитан... – он подыскивал слова. – Я обычно отказываюсь брать с собой посторонних людей. Мы идем медленно. Иногда приходится тянуться за тральщиками. Удобств никаких. Но если вы по вызову контр-адмирала...

– А для нашего контр-адмирала мы постараться готовы, – Шалунов прижал к груди свои большие ладони.

– Итак, завтра на рассвете, товарищ Букреев, – сказал Курасов. – Вы знаете, где мы ошвартовались?

– Да, знаю. Команду тоже берете?

– Безусловно. Мы их распределим по кораблям. Они помогут в походе.

– А вы, Курасов, все же здорово арбуз-то... – сказал, прощаясь, Букреев, делая вид, что между ними ничего особенного не произошло. – Все астраханцы такие?

– Просто я владею левой рукой так же, как правой, вот и весь секрет, – смущенно сказал Курасов. – А вообще левой рукой арбуз разрезать очень трудно.

– Курасов словчил! – шутливо возмутился Шалунов. – Он левша! Дюжина бутылок снова у меня в кармане.

– Не влезет в карман, Шалунов, – почему-то очень громко прокричал молоденький лейтенант и, сам испугавшись своего голоса, покраснел. Но за столом снова зашумели, разом заговорили, и юноша успокоился.

Букреев вышел; он слышал, как кто-то крикнул: «Выпить бы за контр-адмирала Мещерякова!» – «Тогда и за Звенягина!» – перекрыл второй голос.

На улице стойко держался туман. Луч корабельного прожектора медленно опускался все ниже и ниже. Букреев задержался на ступеньках у входа в столовую, наблюдая борьбу электрического света и влажных паров.

Через закрытую дверь доносились взрыва смеха, гомон молодых голосов. Букреев шагнул вниз и сразу же отпрянул от неожиданности: близко возле него стояли вооруженные люди. Это был Манжула, дожидавшийся капитана, и его друг Горбань, старший краснофлотец, списанный с линкора «Севастополь» в морскую пехоту и попавший в «тридцатку».

– Мы вас проводим, товарищ капитан, – сказал Манжула.

И все втроем они пошли к штабу.

Глава третья

На рассвете Букреев верхом приехал на пристань. Туман не рассеялся, а еще больше сгустился. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, выход в море не был бы разрешен. Шалунов, исполнявший обязанности флаг-штурмана, был озабочен.

– Плавание в таком тумане вообще беда, а когда еще знаешь, что кругом рыщут подлодки... – мимоходом сказал Шалунов, пожимая руку Букреева. – Ну, как-нибудь, Букреев. На траверзе Очемчир, говорят, ясно...

Шалунов исчез в тумане, и только по скрипу сходни можно было догадаться, что он поднялся на корабль. Хайдар держал под уздцы лошадей и смотрел на капитана грустными глазами. Волны плескались о стенку причала, и плеск, казалось, приходил из какой-то таинственной глубины.

Кабардинка нервничала, прислушиваясь к звону, несшемуся с кораблей, к стуку ящиков, крикам матросов, грохоту перекачиваемых пустых железных бочек. Букреев погладил ее шею, по всему длинному мускулу, бугристо прошедшему под его пальцами. Мокрая чистая шерсть привычно ощущалась им, так же как вихрастый зачес гривы и горячая складка между шеей и головой.

– Хайдар! Ты сам присматривай за ней...

Букреев замолчал, ему не хотелось говорить. Было жаль Хайдара; жаль и лошади, прослужившей ему больше трех лет, жаль города и даже этих бесконечных дождей, перемежающихся туманами.

Было горько, оттого что мечта о приезде семьи не осуществилась, было тревожно: впереди – опасные труды.

Вблизи стали чаще пробегать матросы в рабочей одежде. Фыркнул и заработал сначала один судовой мотор, а потом загудели и еще моторы. Сырые запахи утра как бы прослоились запахами отработанного бензина и машинного масла. Появился Манжула и с ним Горбань – светлоглазый сильный моряк, лет двадцати пяти, с приятным лицом и какой-то хитровато-безмятежной улыбкой. Манжула и Горбань привели команду. Получив разрешение Букреева на посадку, Манжула скомандовал, и моряки «тридцатки», как они себя сами шуточно окрестили, пошли на корабли. Манжула вернулся и остановился рядом с Букреевым, пренебрежительно поглядывая на Хайдара и лошадей. Хайдар заметил взгляд Манжулы, и его губы недружелюбно искривились.

– По кораблям! – прокричал вахтенный с борта флагманского корабля. – Кто там на берегу!

Букреев обнял Хайдара и пошел на корабль.

– Прощай, Хайдар, – сказал Манжула уже с палубы.

Узбек шагнул вперед.

– Его... товарища капитана...

Манжула понял, что значат эти слова.

– Как-нибудь, Хайдар!

– За капитана не беспокойся, чернобровый, – добавил Горбань и тревожно сказал: – Что-то Раечки нет, Манжула. Опоздала. А все потому, что муж приехал из Хоби.

– Муж из Хоби – это все, – заметил Манжула.

Моторы заработали сильнее, палуба под ногами задрожала. Два матроса стали у кнехтов, чтобы сбросить швартовы. Горбань, не скрывая беспокойства, перегнулся вперед, схватившись за поручни.

– Должна прийти проститься, обещала. Одна она у меня, сестренка.

– Для тебя она одна и единственная, – сказал убежденно Манжула, – а для нее ты теперь отошел на второй план, Саша. Муж – это все. Раз есть муж – нет тогда ни отца, ни матери, ни брата, ни свата.

– Александр! Саша! Горбань! – картавя, прокричал из тумана женский голос.

– Она, Раечка!

Горбань перемахнул поручни и пропал в тумане. Курасов сдвинул к переносице тонкие брови, буркнул, но так, чтобы его слышал стоявший у мостика Букреев:

– Вот почему я не люблю пассажиров. – И приказал боцману: – Отдать швартовы!

Корабль как бы выпрямился. Медленно начали покачиваться у борта кони, вскинувшие головы, Хайдар в своей длинной шинели и фуражке пограничника, косо поднятые дышла оружейных передков, подготовленных к погрузке...

Горбаня не было, и раздосадованный Букреев строго отчитал Манжулу, отвечавшего за порученную ему команду.

– Горбань никогда не отстанет, товарищ капитан, – вытянувшись во фронт, оправдывался Манжула.

– Он уже отстал...

В этот миг Горбань выскочил из тумана, побежал вдоль причальной линии, вероятно, думая переброситься на палубу, как говорят моряки, «с параллельного курса». Все на корабле заметили Горбаня. Одобрительными криками моряки сопровождали его. Подлетев к краю стенки, Горбань остановился. Уловив поощрительные крики матросов, он снова разбежался и ринулся вперед. Курасов схватил мегафон, но не успел он крикнуть, как молоденькая женщина в морской офицерской форме выскочила наперерез Горбаню.

– Саша! Саша! – Она подняла руки.

Горбань, налетев на нее, чуть не сшиб ее с ног и, поняв, что окончательно упустил время, со злостью выругался и сдернул с головы бескозырку.

– Возьмите его! – закричала женщина. – Что вам жалко?

Последняя фраза рассмешила всех на корабле. Все увидели ее красивое веселое лицо, локоны черных волос, выбившихся на лоб из-под мичманки-берета, белые зубы. Курасов, решив помочь Горбаню, крикнул в мегафон:

– Товсь, дурья башка!

Корабль стал отрабатывать поворот, и за кормой заворчал и захрипело. Горбань, выждав удобный момент, с разбегу прыгнул на корму. Девушка и подошедший к ней моряк в короткой куртке смеялись и приветственно махали руками. Курасов махнул им рукой в ответ и отвернулся.

Пристань пропала из глаз. И если бы не шум рассекаемой воды, могло бы показаться, что корабль поплыл в облаках.

Шалунов вышел из рубки, вслушиваясь в понятные ему голоса моря.

– Тут пустяки кому-нибудь пузо пропороть. Тут нужны уши и глаза, – сказал он Букрееву. – Вот выйдем за бон, полегче будет. А ваш парень все же ловко прыгнул. Чуть было из-за девки не пропал. Видно, жох-парень.

– Сестра его, – неуверенно сказал Букреев.

– Знаем мы этих сестер... Давай лево! – закричал он штурвальному и принялся помогать ему, перебирая своими огромными ручищами отполированные ладонями рукоятки штурвального колеса. Мимо прошли высокие борта тральщика.

Манжула привел Горбаня, и он стоял перед Букреевым с провинившимся видом.

– Вы всегда такой, товарищ Горбань? – строго спросил Букреев, все же испытывая чувство симпатии к этому голубоглазому парню, с таким хорошим открытым лицом.

– Прошу прощения, товарищ капитан.

– Прощение прощением, товарищ Горбань, но нужно быть точным. Ведь вы могли отстать от команды. Хорошо?

– Нехорошо, товарищ капитан.

– Вас за что это списали с линкора? – спросил Букреев, припоминая просмотренные им характеристики моряков «тридцатки».

Горбань потупился и молчал. Шалунов пришел ему на помощь:

– Небось на берегу пошумели? Чего ты молчишь, как красная девица? В морской пехоте все грехи отмолишь, браток.

– Так точно, пошумели, – улыбаясь Шалунову, сказал Горбань. – А сестренка выручила. Сама командира просила, товарищ капитан.

– Я угадал, – сказал Шалунов. – Ну, вышли за бон, теперь дышать будет легче. А на берегу у нашего брата вечные приключения, товарищ Букреев. Вот на меня самого четверо бандитов накинулись в темном переулке, в Батуми. Глаз ни за что ни про что подбили, вишь, какой фонарь подвесили, в руку ножом пырнули. Беда прямо... Решили изувечить самого красивого парня на Черном море. – Шалунов подмигнул Горбаню глазом с затекшим кровью белком. – Хорошо, что я не растерялся, расшвырял их всех до последнего.

Горбань смотрел на Шалунова с уважением, а тот, поймав его взгляд, расправил плечи. Курасов, искоса наблюдавший за всеми, сошел с мостика.

– Ты, Шалунов, побудь за меня, а я гостя нашего устрою.

– Есть, товарищ капитан-лейтенант, – бодро ответил Шалунов.

– Пойдемте, я укажу вам вашу каюту, – сказал Курасов Букрееву.

Они спустились по отвесному трапу и очутились в тесном коридорчике с четырьмя дверями. Указав на одну из дверей, Курасов сказал:

– Займите мою каюту.

– А вы, товарищ Курасов?

– Мы дома, – строго сказал Курасов. – Одного из ваших моряков можно поместить здесь же, а второго придется перевести на другой корабль.

Кабюта была маленькая, холодная, с жесткой, наглухо пришитой к полу койкой, крохотным столиком-тумбочкой с книгами на нем, сеткой над столиком, где лежали книги. На стене был прикреплен портрет миловидной девушки в морской форме с нашивками главстаршины; на крюке покачивались фуражка и немецкий автомат.

Иллюминаторы были задраены, яркий электрический свет давала лампа, ввинченная в плафон у потолка.

Все было знакомым. Букрееву приходилось ходить на таких кораблях. Но сегодня все было неприветливо.

Сняв фуражку, Букреев зачесал назад свои черные поредевшие волосы, посмотрел на часы. Прошло всего двадцать минут после начала похода. Поговорив с пришедшим к нему Горбанем, Букреев отпустил его и прилег на койку, подложив руки под голову. Он заснул.

Проснувшись, почувствовал присутствие в каюте другого человека. Это был Курасов, решивший с ним позавтракать.

Курасов держался сейчас предупредительно-вежливо. Завтрак, принесенный расторопным вестовым, состоял из кислой, плохо прожаренной вместе с колбасой и салом капусты да мутного теплого чая.

– Камбузов и коков на нашем корабле нет, – сказал Курасов, – приспособили какую-то дырку, крутится там один краснофлотец в порядке очереди вокруг примуса и калечит продукты. И на том спасибо. У нас дело грязное. Но все же я рад, что приходится воевать на малых кораблях, то ли на охране коммуникаций, то ли в десантах.

Курасов хмурился и, избегая взглядов Букреева, рассказал о том, как он «скучал» на Каспии, как его оттуда переправили вместе с кораблем сухим путем, как он сразу же напал на

«золотую жилу», назначенный в боевой краснознаменный дивизион Героя Советского Союза Звенягина.

Курасов был образованным человеком. Он говорил Букрееву о тактике Нельсона, о Макарове, о Павлове; знал художественную литературу, изучал английский язык и, кажется, потихоньку вел дневник. Он сетовал на то, что подчас забывают погибших и, рассказывая о своем однокашнике и друге, убитом в недавнем бою в проливе, мечтал назвать его именем хотя бы какую-нибудь улицу.

Дребезжащий, продолжительный звонок прервал их беседу. Курасов, торопливо надев пальто и зюйдвестку, вышел. Моторы заработали сильнее. Мимо стекол иллюминаторов пронеслись зеленые кипящие струи. Через пятнадцать минут тревога окончилась. Горбань сообщил, что невдалеке прошли немецкие самолеты.

Букреев поднялся на палубу. Под солнцем, выглядывающим из-за туч, светились отполированные детали орудий и пулеметов. Вдалеке ломаными курсами шли «морские охотники».

Ветер, дувший от скалистых белых берегов, зачерненных поверху кустарниками, гнал по морю барашки. Иногда ветер срывал с поверхности моря облачка, прилетавшие на палубу мельчайшими брызгами. Шалунов весело отряхивался и смеялся, поворачивая лицо навстречу ветру и брызгам.

– Море-то, а? Чудесное море! – восклицал он восхищенно. – Я, знаете ли, в море становлюсь во сто раз здоровее, право слово. В любую штормягу дыхание свободней. Тут, братцы вы мои, пыль – минус, газы – минус.

Появились дельфины. Их черные тела, изогнутые, как запятые, всплывали и исчезали. Стая кувыркалась впереди буксира, тянувшего танконосец и понтоны, и приближалась к ним. При той быстроте, с какой передвигаются дельфины, их растопыренные плавники кажутся рогами, что и послужило, очевидно, причиной называть их иногда не только морскими свиньями, но и морскими чертями.

Треск выстрелов раздался почти над головой Букреева. Стрелял из пистолета Курасов. Потом краснофлотец принес винтовку. Курасов вскинул ее, вскрыл пачку патронов, в разрезе затвора мелькнуло золото гильз. Корабль пошел наперерез стае, видимо, понявшей опасность и повернувшей снова к транспортам. Курасов стрелял теперь из винтовки. Работа моторов заглушала выстрелы. Пули тюльпанчиками вспыхивали на воде. Дельфины пересекли кильватерную струю танконосца, и вскоре их черные выгнутые спины еле-еле различались в волнах.

– Прошлый раз мы устроили охоту, – сказал Курасов, опуская винтовку. – Набили их штук двенадцать. А сейчас нельзя задерживаться. И так тащимся еле-еле.

Манжула и Горбань сидели с группой матросов «тридцатки» на корме возле глубинных бомб, расположенных на специальных рельсах-салазках. Моряки смеялись, слушая Горбаня, который в конце концов вскочил на ноги и прошелся по кругу, ловко отбивая чечетку. Шалунов тронул Букреева за рукав шинели, указал глазами.

– Ребята ваши занимаются проработкой инструкции по десанту, товарищ капитан, а?

– Вероятно, – с улыбкой сказал Букреев. – Кстати, расскажите мне, вам приходилось подходить к берегу во время высадки десанта на вашем корабле?

– Так и подходили.

– Осадка все же большая.

– Смотря где. На Новороссийск было самый раз, а вот у Соленого озера сыпали ребяток прямо в воду. Лучше всего, конечно, на мотоботе, на «лапте». Рекомендую. Только, если переход велик, буксировать, а у берега пускать мотоботы своим ходом... Хотя заранее не угадаешь, что лучше, что хуже. Раз на раз не приходится. Дело само подскажет. Лучше я вам посплетничаю, как вы Курасова подсадили.

– Я подсадел Курасова?

– Классически подсадели. – Шалунов блеснул своим влажным красным глазом и добродушно рассмеялся. – Ведь Курасов в каюте цветы вез.

– Какие цветы?

– Полную каюту из Батуми. Цветы разные, я их названий не знаю... Невесте везет цветы, сам пресную воду меняет.

– Какой невесте?

– Вы видели карточку у него на стенке? Есть такая главстаршина Таня Иванова. В Геленджике работает в военно-морском госпитале.

– Но почему же он убрал цветы из каюты?

– Вас стесняется. Молодой и застенчивый в этих вопросах.

Шалунов наклонился к Букрееву и рассказал о том, как Курасову пришлось перенести цветы из своей каюты в то помещение, которое они использовали под камбуз. Но там и так повернуться негде, и поэтому Курасов приказал не зажигать примусов, чтобы не поднимать на камбузе температуру.

– Но девушка, скажу откровенно, вполне заслуживает. Такая девушка! Я бы и то для нее пальму вывернул с корнями.

Веселый и общительный Шалунов занял Букреева. Он поделился с ним своей мечтой получить корабль. Но мечта оставалась мечтой. Вакантных мест было мало. Пока Шалунов удовлетворялся своей ролью штурмана и помощника Курасова. Шалунов любил свой корабль, говорил о нем, словно о живом существе. Что такого, что это было небольшое военное суденышко, с деревянным, обшитым тонким железом каркасом, наполненное моторами, бензином, оружием и боевыми припасами? Что такого, что людям экипажа приходилось жить в коротких и узких клетках? Они сознательно лишили себя всех удобств, чтобы набрать побольше снарядов и бензина. Катер не отапливался и зимой промерзал насквозь, зато летом нагревался так, что хоть зажигай о стены спички. Люди любили свои маленькие корабли, гордились ими и совершали на них подвиги. Вся команда Курасова была награждена орденами. Среди комендоров были люди, сбившие по нескольку вражеских самолетов, были и участники обороны Севастополя.

На этом корабле Букреев как бы приобщился к людям моря, он искал в себе то, что должно было сблизить его в батальоне с моряками и помочь ему в его военном труде.

В Туапсе караван пришел ночью. Здесь было холодней. В осенней дымке угадывался город. Из ущелья доходили запахи осеннего леса. Чернели проломы мола и камни, наваленные кое-где.

Над горами зажигались прожекторы и медленно прощупывали тягучие облака, переваливающие через хребты Предкавказья. Караван бесшумно входил в порт. Суда скользили по темной воде, медленные и настороженные. За пристанью, близко возле берега, жались сторожевые корабли. Их мачты напоминали поредевший после артиллерийского налета лесок. На пирсах двигались люди, вспыхивали и гасли огоньки фонарей.

На причалах были подготовлены к погрузке зерно и мука, прессованное сено, противотанковые пушки в рядах, клетки ящиков со снарядами и патронами, бочки с бензином, авиационные моторы, зашитые в сосновые коробки.

Порт жил войной. Здесь по крадущимся огням прожекторов, по затаенному дыханию города и бухты уже чувствовалось приближение фронта.

В Туапсе решили пробыть до утра. Побродив по пирсу с Шалуновым и проверив свою команду, Букреев решил вернуться на корабль. Ему хотелось повидать Курасова. Угадав его издали, он прошел к нему на корму. Заслышав шаги позади себя, Курасов обернулся и расставил руки, что-то прикрывая.

– Идите спать, товарищ капитан, – зло сказал он.

– Что-то не спится, товарищ Курасов.

– Вам постелили в моей каюте.

– Вы что здесь делаете, Курасов?

– Да какое вам дело? – вспыхнул Курасов. – Что вам наконец надо?

Букреева поразил этот тон, неприкрытое раздражение Курасова. Букреев, в свою очередь, хотел резко ответить командиру корабля, но, присмотревшись, заметил цветы, расставленные на дымовых шашках.

– Простите, – мягко произнес Букреев и пошел от него.

– Там вам постелили, – вдогонку повторил Курасов. – И отдыхайте, ради бога.

В голосе его теперь уже слышались нотки извинения, смущения.

Букреев спустился по трапу и вошел в каюту. Горбань писал за столом письмо; он вскочил, но выпрямиться в низкой по его росту каюте не мог.

– Я сейчас уйду, товарищ капитан.

– Устроимся здесь как-нибудь вместе, – сказал Букреев.

У борта лениво плескались волны. На канонерской лодке, стоявшей на рейде, пробили склянки. Букреев разделся и лег. Через несколько минут Горбань погасил свет и пристроился на полу, прислонившись спиной к двери, зарывшись лицом в ворот бушлата.

Глава четвертая

В Туапсе Курасов прихватил баржу, груженную бочками с авиационным бензином, предназначенным для анапских аэродромов.

– Караван «разжирел», – заметил неодобрительно Шалунов.

Немцы следили за туапсинским портом, ночами минировали выходы из порта и коммуникацию; поэтому пришлось добавить в конвой еще три сторожевика и идти по фарватеру, проверенному приданными каравану тральщиками. В этих местах недавно германской подводной лодкой был торпедирован транспорт. Конвойным кораблям приходилось идти осторожно. Тральщики, проведя караван по наиболее опасной зоне, оставили его. Теперь наблюдение еще усилилось. Курасов не сходил с мостика. Присланные Мещеряковым самолеты сопровождения до самого вечера кружили над караваном, сменяясь через равные промежутки времени. Воздушная вахта была снята только с наступлением густых сумерек.

Букреев почти весь переход оставался на палубе, хотя ветер усилился и от боковой качки мутило. Транспорты уже не были видны. Горы приблизились и стали выше. Были заметны пролетавшие низко над водой какие-то птицы; изредка слышался вой шакалов, похожий на хохот и на плач. Букреев удивленно прислушался к шакальему вою. Во время боев шакалы перекочевали на юг.

Флагманский корабль шел среди минных полей. Вся команда была вызвана наверх. На берегу мигали условные световые точки, помогавшие Шалунову провести корабли. Миновали скалистые обрывы Толстого мыса и вошли в бухту. Шалунов появился на палубе.

– Ух! – вздохнул он. – Вы знаете, что такое холодный пот, Букреев? Холодный пот бывает у штурмана и у командира корабля, когда проходишь эти горячие минные поля. Тут свои нашивыряли и немцы засоряют каждую ночь.

На пристани, у коренного причала, слегка покачивались ошвартованные борт о борт баржи. Пахло рыбой и варом. Монотонно поскрипывали швартовы. Сверху иногда срывались капли дождя, и только кое-где, в проломах облаков, поблескивали тусклые звезды.

Горбань первым перепрыгнул на баржу, у которой ошвартовался сторожевик, и принял у Букреева чемодан. Неустойчивая узкая палуба осталась позади. Букреев перебрался через высокий борт баржи. Горбань, посвечивая фонариком, шел впереди Букреева, предупреждая его о попадавших на пути швартовах или других препятствиях. Все делалось им с ласковой и не обременительной для Букреева заботой.

Когда Букреев почувствовал под ногами скрипучие, но устойчивые доски причала, Горбань виновато спросил:

– Товарищ капитан, вы никому не говорили про то...

– Про что?

– Как это я тогда на пирсе...

– А, вы вот о чем, Горбань, – сообразил Букреев.

– Не говорите командиру батальона, а то сразу заметит с плохой стороны. Я буду стараться исправиться, товарищ капитан.

– Ладно, – с шутливой строгостью в голосе пообещал Букреев. – Ничего не скажу. Только не подводите меня.

– Спасибо! А то я дал слово своему командиру корабля загладить проступок, и вот опять... тут получилось. – Горбань еще что-то хотел добавить, но запнулся.

Их разговор перебил Манжула.

– Вас ожидают, товарищ капитан, – доложил Манжула. – Я уже справлялся.

– Кто ожидает?

– Капитан Батраков. У машины, товарищ капитан.

Батракова, заместителя командира батальона по политчасти, Букреев знал еще по П., где тот вместе с ним и Тузиным принимал участие в формировании батальона из севастопольцев, бакинцев и раненых, передаваемых через полуэкипаж после госпиталей. Тогда, формируя часть, они жили на окраине города, в центральной усадьбе совхоза, среди тропической растительности. Там же Букреев обучал Батракова верховой езде, прививая ему, бывшему ленинградскому рабочему, любовь к коню. Букреев вспомнил щупленького Батракова, выезжавшего на прогулки в широкополой шляпе, которую шутливо называли «сомбреро», и в полотняной рубашке, чтобы плохой посадкой не компрометировать перед горцами достоинство офицера.

Батраков был боевым офицером, участником обороны Севастополя. Вначале он служил и сражался в батальоне дунайцев. Бои с немцами в долине Кара-Куба прошли при его участии. Там же он был тяжело ранен, почти потерял слух и по настоянию командования был отправлен на Большую землю.

Букреев, правда, близко не пытался сходить с Батраковым, но то, что именно он встречал его сейчас, обрадовало Букреева.

Букреев бывал в Геленджике и любил этот городок, но сейчас все казалось ему здесь унылым и чужим. Вот здесь был ресторан «Крыша». Сейчас возле полуразрушенного здания, как бы продавленного сверху, шоферы монтировали скат, при свете аккумуляторной лампочки стучали молотками по резине и беззлобно переругивались. Лампочка освещала каменную стену с амбразурами и кучу консервных банок, заброшенных картофельными очистками.

Курасов оказался невдалеке от Букреева. Тот кого-то искал. Когда какая-то девушка в морской шинели и мичманке попала в свете его фонаря, он окликнул ее, и они исчезли в темноте.

– Видели нашего флагмана, Букреев? – спросил выросший перед ним Шалунов.

– Его встретила девушка. Очевидно, та самая Татьяна?

– Вы угадали... Жаль, что вы не могли разглядеть ее. Пикантна и проста. Сегодня, наверное, опять сбежала к Курасову через забор. Насчет дисциплинки Таня хромает на обе ноги. Ну, до скорого и приятного свидания, как говорят джентльмены. Не забывайте бедных моряков, капитан Букреев.

Шалунов зашагал к будке дежурного.

Манжула подъехал на грузовой автомашине. Краснофлотцы «тридцатки» быстро попрыгали в кузов. К Букрееву направился невысокий человек в таком же ватнике, как у Манжулы.

– Букреев, здравствуйте! Простите за задержку, – глухим голосом сказал подошедший. – Встретил одного человека с базы, договорился, чтобы подали завтра на камбуз свежего мяса. Бычка обещали зарезать... Можно поздравить с благополучным прибытием?

– Товарищ Батраков, здравствуйте. – Букреев радушно пожал ему руку. – Спасибо, что встретили. Такая темнота, хоть глаз выколи.

– Темнота типично южная. Это не ленинградские белые ночи. Ну, пожалуй, поедем. Манжула! Ребята все устроились?

– Устроились, товарищ капитан.

– Добро. Я, Букреев, поеду с ребятами, а вам придется в кабинке с шофером. Хотел вас с шиком доставить на легковой, но не вышло у меня. Господин Тузин куда-то сами выехали.

– С вами поедет комбат капитан Букреев на Толстый мыс, – приказал Батраков водителю. – Садитесь, товарищ Букреев.

Букреев задержался у кабинки:

– Вы рангом ошиблись, капитан Батраков. Только начальник штаба, а не комбат...

Батраков тихонько засмеялся:

– Мне и невдомек, что вы не в курсе последних событий. Тогда садитесь ближе к шоферу, – мы вместе устроимся. У «доджей» кабинки просторные. Я по пути все расскажу.

Машина выбралась из района порта и пошла при полном свете фар, освещая развалины, дома без изгородей, окруженные деревьями, зачастую с обломанными ветвями.

Геленджик не был похож на прежний, ничем особенно не выдающийся, но все же аккуратенький приморский городок, куда приезжали отдохнуть и полечиться. Мостовые были разворочены, и над дворами, заросшими буйным молодняком, светлели протоптанные по обнаженной земле тропки. За городом пришлось сбавить скорость. Завыли и заскрежетали передачи на ухабистом подъеме. Справа шумело невидимое море.

– Тузина сняли, – сказал Батраков, посматривая на Букреева глубоко запавшими глазами, – сняли и назначили вас. А на штаб поставили Баштового; он был начальником штаба у Куникова. Потому и пришлось так срочно вызывать. Дел уйма, Букреев.

– За что же сняли Тузина?

– За дело сняли. Не тем человеком оказался Тузин. Я могу вам коротко рассказать. Еще когда мы прибыли сюда, в Геленджик, Тузин сразу же схватился за живот, потому что Шагаев, который встречал нас, напугал его.

– Чем напугал?

– Сказал, что скоро в десант. Тут Тузин сразу изменился. «Знаешь начинает, мол, что-то лома-а-ть меня, живо-от болит». Я ему говорю: «Подожди болеть, надо людей выгружать, устраивать их, кормить». Ушел, и мне пришлось все самому. Дальше такая же история. Вижу, надо работать с батальоном, а командира фактически нет. А тут стали забирать от нас людей на таманскую операцию, вливать новых, переменяли почти весь офицерский состав. Принялся Тузин куролесить, переругался с новым народом. Пришлось докладывать Мещерякову. Тот проверил, доложил члену Военного совета. Он сам приезжал вместе с Мещеряковым в батальон. Тузина, значит, того... Вот вас и вызвали. Потому что не сегодня завтра Тамань кончат защищать, подоспел Крым.

Машина остановилась возле двухэтажного здания, метрах в пятидесяти от края изрытого траншеями обрыва. Возле второго такого же здания, обращенного тоже фасадом к морю, собрались моряки. Слышались веселые выкрики и быстрый ритмичный топот. Кто-то под баян отбивал «четку». Часовой, моряк с автоматом, узнал Батракова и посвистал в боцманскую дудку, вызывая дежурного.

– Сегодня кто дежурный по батальону? – спросил Батраков.

– Старший лейтенант Цыбин, товарищ комиссар, – сказал часовой, называя Батракова по-старому комиссаром.

– Командир роты автоматчиков Цыбин, – сказал Батраков. – Вы его еще не знаете. Под Новороссийском отличился. Сибиряк.

Цыбин, высокий и стройный офицер, подошел уверенной походкой и представился.

– Вот что, Цыбин, – сказал Батраков, – принимай новичков, а мы с комбатом поедem сразу к контр-адмиралу.

– Есть, товарищ комиссар! А насчет душа и ужина?

– Вернемся, тогда будет видно. Хотя приготовьте. Команду перемыть и накормить.

– Есть перемыть и накормить команду, товарищ комиссар. К какой их роте? Можно у меня устроить?

– Ты уже хочешь их себе прикарманить, Цыбин? Утро вечера мудренее. Завтра командир батальона решит.

Цыбин направился к казарме. Моряки «тридцатки» сошли с машины и стояли кучкой, Манжула что-то им объяснял.

От казарм со двора, в одиночку и группами, к «тридцатке» стали собираться моряки. Сюда же перекочевал баянист. Закурили. Замелькали красные точки зажженных папирос.

– Ребята! – крикнул еще издали кто-то. – Новый комбат прибыл?

– Т-с-с... – зашикали на него.

– Кондратенко! – позвал его Манжула.

– А, это ты, друг непромокаемый! Дай пять. Пить, Манжула, привез?

– Хватит! – остановил его Манжула. – Комбат здесь...

– На грузовике?

– Т-с-с...

Букреев перепоясался, отряхнул и расправил на голове фуражку, подождал, пока Батраков расскажет Горбаню, куда снести чемодан и где ожидать их возвращения.

– Ну, поедemте, товарищ капитан, – сказал Батраков, окончив разговор с Горбанем.

– Итак, как Чацкий, «с корабля на бал»? – пошутил Букреев. – Может быть, погладимся, почистимся? Все же с дороги.

– Не успеем. Мы должны быть ровно в двадцать один час. В нашем распоряжении всего тридцать пять минут. А Мещеряков любит аккуратность.

В кузов прыгнул Манжула.

– Манжула тоже с нами? – спросил Букреев.

– Привыкайте, – ответил Батраков. – В морской пехоте вестовые чистое наказание. Глаз с тебя не спускают. Недаром Мещеряков называет их «телохранителями».

«Додж», раскачиваясь своим корпусом, катил теперь гораздо быстрее. Они ехали к городу по прямой дороге над обрывами. Кое-где встречались воронки и мохнатые черные кусты. Букреев молчал, стараясь собраться с мыслями и подготовить себя к волновавшей его встрече с Мещеряковым.

Глава пятая

Контр-адмирал Мещеряков сравнительно недавно служил на Черном море. Почти все его подчиненные отзывались о нем одобрительно. В отношениях с подчиненными он умело сочетал разумную и твердую требовательность с человеческим отношением. Это, как известно, характеризует умных и дальновидных начальников. Никто не мог указать случаев, когда бы контр-адмирал не требовал безусловного выполнения приказа, но никто не мог пожаловаться, что приказание и тон, каким оно отдавалось, ущемляли личное достоинство человека.

Мещерякову было немногим больше сорока лет. Физические недуги не беспокоили его, поэтому он находился почти всегда в ровном расположении духа. Принимаемые им решения не зависели от состояния его нервов. Он был довольно образованным человеком и воспитанным офицером. Завистники находили, что он, часто посещая корабли и подразделения и запросто обращаясь с краснофлотцами, будто бы «завоевывал дешевый авторитет» в матросской среде. Однако ему было совершенно чуждо стремление к дешевой популярности среди подчиненных. Он просто не считал, – в отличие от некоторых других начальников, – что авторитет его может зависеть от редкого общения с подчиненными. Лишь такт и ум руководили им в отношениях с людьми.

Начальник политотдела военно-морской базы капитан первого ранга Шагаев, работая с Мещеряковым, правильно понял контр-адмирала, оценил его качества и научился во многом следовать ему. Шагаев с несколько кропотливой добросовестностью, выработанной годами служебных неудач, относился к порученному ему делу. Говорили, что Шагаев до войны был грубоват, менее общителен, кабинетен. В свое время его перевели с Черного моря на Тихий океан, где его и застала война. Только незадолго перед наступательными боями у Новороссийска Шагаев снова был переброшен на юг, и потому ему сразу же посчастливилось участвовать в подготовке и проведении штурмовой десантной операции, закончившейся освобождением Новороссийска. Так же, как и Мещеряков, Шагаев получил высокие правительственные награды, и теперь фамилию Шагаева называли почти всегда рядом с фамилией контр-адмирала. «Война научила Шагаева жить», – шутили сослуживцы.

После удачных боев за Новороссийск и Анапу Мещеряков и Шагаев готовили морскую пехоту и корабли к десантным операциям в Крыму.

Мещеряков точно знал об условиях похода и времени прибытия каравана Курасова в Геленджик. Но все же он смог только тогда облегченно вздохнуть, когда ему наконец передали по телефону, что все корабли благополучно вошли в бухту.

Контр-адмирал подждал Букреева на командном пункте, в одноэтажном здании казарменного типа, расположенном на окраине города. Склонившись над столом, Мещеряков внимательно перечитывал представленный ему политотделом доклад о состоянии батальона. Здесь же, в кабинете, удобно устроившись в кресле, находился Шагаев, крупный, несколько рыхлый человек, с мясистым лицом и очень яркой пигментацией кожи.

Шагаев с услужливой настороженностью наблюдал за контр-адмиралом. Когда карандаш Мещерякова закручивал на полях доклада какую-нибудь завитушку, Шагаев чуть-чуть приподнимался, пытаясь искоса разглядеть, на чем останавливал свое внимание контр-адмирал.

– Парторг Линник всего-навсего сержант, – сказал Мещеряков. – Почему бы ему не присвоить офицерское звание? Все же быть партийным организатором в отдельном батальоне морской пехоты... – Контр-адмирал, опустив глаза, продолжал читать.

– Батраков считает его на своем месте, но офицерское звание... – Шагаев замялся: – Батраков советует подождать.

– У Линника за плечами Мысхако. Его Куников знал, Старшинов и Ботылев хвалили... В общем, Шагаев, после крымской операции Линника не забудьте. – Мещеряков откинулся в

кресле, так что его лицо попало в тень, отбрасываемую настольной лампой, зато грудь ярко осветилась, и орден Суворова заиграл рубчатými гранями золотых лучей. – В переписке с Джервисом Нельсон однажды выразил правильную мысль: «Нужно, чтобы офицеры ожидали от своих адмиралов повышения. Без этого что будет значить для них хорошее или дурное мнение их начальников». Изречение очень разумное...

– Да, изречение разумное, – подтвердил Шагаев, быстро перебирая в памяти подначальных ему людей, которых, может быть, он обошел представлениями к следующему званию или награде.

– По-моему, люди в батальоне подобраны хорошо, – сказал Мещеряков, не меняя позы. – Хорошо и то, что Батраков сразу же раскусил этого Тузина и мы вовремя от него избавляемся.

– Еще до боя – расстройство желудка! – Шагаев рассмеялся. Мясистое и красное его лицо еще больше налилось кровью, глаза сузились, плечи подрагивали.

– Шагаев, у вас генеральский смех, – пошутил Мещеряков, – помните, Гоголь описал генеральский смех?

– А как же, как же, Иван Сергеевич, помню. – Шагаев посерьезнел. – В «Мертвых душах».

– Правильно, в «Мертвых душах». Слава богу, мы, кажется, избавились от последней «мертвой души», от Тузина. И я лично доволен, что наш выбор остановился на Букрееве... Именно на Букрееве.

– Но он еще не воевал, – осторожно вставил Шагаев.

– Ему просто не дали этой возможности.

– Начинать сразу с десанта?

– Он начинал на заставе. А пограничники всегда воевали, Шагаев. А забыли, как штурмовали Новороссийск пограничники подполковника Пискарева? Двести девяностый отдельный стрелковый полк войск НКВД! Орлы ребята! Не хуже наших матросов высадились и уцепились за берег. У Букреева пятнадцать лет стажа, опыт! Как он блестяще уничтожил на побережье диверсионную банду! Нашим матросам нужен именно такой командир для боев на суше. В операциях по освобождению Крыма мы будем по-прежнему подчинены армейскому командованию, нам очень важно в десантном батальоне иметь хорошего, разумного армейского командира...

Вошел адъютант, худощавый молодой офицер с безукоризненной выправкой и четкими, но спокойными движениями. Мещеряков вопросительно посмотрел на адъютанта:

– Букреев? Угадал?

– Прибыли капитан Букреев и капитан Батраков по вашему приказанию, товарищ контр-адмирал, – раздельно, как будто любуясь каждым аккуратно отрубленным словом, доложил адъютант.

– Просите. Закажите в салоне ужин на четыре персоны и бутылку вина. Подать сюда... Я позвоню, когда. Идите!

Мещеряков поправил абажур на лампе пухлыми пальцами с тщательно отполированными ногтями, приосанился. Увидев входивших в кабинет Букреева и Батракова, он встал из-за стола и направился к ним.

– Ожидал, ожидал. Не представляйтесь, Николай Александрович. Наслышан.

– Откуда, товарищ контр-адмирал?

– О, вы очень хорошо улыбаетесь! – воскликнул Мещеряков. – Но улыбка, слишком, я бы сказал, гражданская. С нашими орлами нужно что-нибудь такое... – он прищелкнул пальцами.

– Я...

– Не смущайтесь, – сказал Мещеряков. – А вы, я вижу, с характером, Букреев. Если бы это вам сказал не контр-адмирал, пожалуй бы, сцепились. Ишь, как у вас побледнели уши! Ну, ничего, ничего... Знакомьтесь, Николай Александрович, с товарищем Шагаевым и присаживайтесь.

Мещеряков в непринужденной беседе «прощупывал» нового командира батальона самыми разнообразными перекрестными вопросами: каково здоровье, плавает ли, не охотник ли или рыболов, умеет ли ставить парус, знаком ли с немецким оружием, где семья, какие получает письма из дома, каковы отношения с Тузиным...

Букреев понимал скрытую цель всех этих вопросов. Ему было ясно, что десанту придаётся большое значение, что дело не за горами, что батальону предстоят тяжелые испытания, что контр-адмирал, заочно назначив его командиром, сейчас проверяет, пока не поздно, правильность назначения...

Пятнадцатилетнее пребывание в армии и в погранвойсках, где изучению обстановки и человека принадлежит первая роль, помогли Букрееву разобраться во всем происходящем сейчас. Узнав теперь от самого Мещерякова причину отстранения Тузина, он не стал отзывать о нем плохо. Он знал Тузина с хорошей стороны. Правда, они еще не воевали бок о бок, а ведь только тогда начинается настоящая проверка... Конечно, поведение Тузина ничем не оправдано. Он никогда не жаловался на болезнь, это был примерный здоровяк.

Контр-адмирал потребовал усиления подготовки батальона.

– Надо учить батальон азартно, – говорил он убежденно, – в обучении должна быть железная логика. Я выделил вам плавсредства, учите людей быстро грузиться, успешно достигать берега, моментально выбрасываться на берег. Подберите здания в городе, учите их блокировать, забрасывайте гранатами, штурмуйте. Приучите всех к огню, к настоящей боевой обстановке, к точному, почти механическому взаимодействию.

Букреев сосредоточенно, нахмутив брови, слушал контр-адмирала, и тот, продолжая наблюдать Букреева, окончательно утвердился в первоначальном своем решении.

– К вам, Букреев (контр-адмирал не называл его уже по имени и отчеству), в батальон влились ветераны десантных атак, люди, с которыми вы еще не знакомы. Нам пришлось, так сказать, перетасовать несколько батальонов, чтобы равномерно улучшить их личный состав.

– Мне говорил об этом капитан Батраков, товарищ контр-адмирал.

– Вероятно, он сказал вам, что многих людей из вашего батальона, сформированного в П., мы решили передать Ботылеву и он с ними сейчас воюет, а от него взяли к вам ветеранов, рядовых и офицеров?

– Мне говорил и об этом капитан Батраков.

– Отлично. Конечно, вас не должны особенно радовать такие мероприятия. Лучше прийти в батальон знакомый, но ничего не попишешь, Букреев. Мы должны форсировать Керченский пролив, и это в первую очередь должны сделать морская пехота и корабли. Поэтому мы равномерно укрепляем все звенья штурма. Я хочу предварительно заочно познакомить вас с офицерами батальона.

Мещеряков полужакрыл глаза, откинулся в кресло и, пригибая на руке пальцы, принялся перечислять офицеров, давая им характеристики. Чтобы так говорить о людях, как говорил Мещеряков, нужно было знать их лично, изучив не только на основании донесений и наспех услышанных мнений. Мещеряков хвалил Баштового, начальника штаба батальона, назвал его другом Цезаря Куникова и его соратников по борьбе на Малой земле, что служило отличной рекомендацией. Тепло говорил контр-адмирал о командире первой стрелковой роты Рыбалко, как о человеке примерной исполнительности и храбрости: «Где нужно проломить – проломит, где нужно удержать – удержит»; о командире пулеметной роты Степняке – красавце, песеннике и храбреце, о молчаливом сибиряке Цыбине – командире автоматчиков, герое новороссийского штурма, о Яровом, Горленко, Курилове, молодых, отважных офицерах, о многих других... Букреев понял, что Мещеряков любит всех этих людей, они вырастали на его глазах, ему, может быть, хотелось похвалиться ими. Букрееву стало ясно, что в батальон пришли люди, специально подобранные, – это был цвет офицерского состава морской пехоты. Теперь было понятно и отстранение Тузина. Он не подходил к такому батальону.

– Я вас, кажется, уморил, – закончил Мещеряков, – сами лучше меня узнаете всех. В бою! В бою засияют новые имена... И вот мой совет, Букреев: держитесь Батракова. Он вам первый помощник и друг...

Мещеряков нажал кнопку звонка, в дверях показался адъютант.

– Ужин прикажите подать.

Адъютант вышел, Мещеряков поднялся из-за стола, посмотрел на часы. Очевидно, прием был закончен. Букреев встал.

– Разрешите идти, товарищ контр-адмирал?

– Нет-нет, оставайтесь и вы, так сказать, на стакан чая. Моряки гостей голодными не отпускают.

Миловидная женщина ловкими движениями тонких рук расставила тарелки на столике, прозвенела ножами и вилками, откупорила бутылку вина. Открыв судки, она кивнула головой и смущенно ушла, чувствуя на себе взгляды мужчин.

– Да... Все мы люди грешные, – сказал Мещеряков после ее ухода.

Шагаев рассмеялся, за ним – Букреев и сам Мещеряков. Только Батраков сидел такой же серьезный, смотря на всех своими ясными глазами и не понимая причины смеха. Мещеряков потрепал его по плечу.

– Или в самом деле аскет, или тонко играешь...

– Я не понимаю... – Батраков покраснел, пожал плечами.

– Иосиф! Пьешь-то хотя?

– Не пью, товарищ контр-адмирал. Если для компании и то очень немного.

– Скучный у вас будет заместитель по политической части, Букреев!

– Никак не приучу, – пошутил Шагаев, присаживаясь к столу вслед за Мещеряковым и любовно оглядывая пищу. – Начнем, пожалуй, с салатика. Прошу разрешения, Иван Сергеевич.

– Да, – Мещеряков замахал руками, – чтобы не забыть!

Он встал, вышел в соседнюю комнату и вернулся с морской фуражкой в руках.

– Вам, Николай Александрович. Как бы «посвящение в рыцари». Появиться перед моряками должны в этой фуражке обязательно. Ну-ка, наденьте. В аккурат, как говорит мой шофер. Носите до славы. А она не за горами. Теперь выпьем за нового моряка, капитана Букреева.

Глава шестая

Тщетно прождав до ночи Букреева и Батракова, задержавшихся у контр-адмирала, начальник штаба батальона Иван Васильевич Баштовой решил уйти домой. Оставив в штабе командира взвода связи лейтенанта Плескачева, Баштовой вышел на улицу.

Тучи расходились, и на проясневшем небе заблестели звезды. Потеплевший ветерок шевелил на деревьях листья. В темноте слышался их неумолчный, тонкий шелест. Казалось, тысячи бабочек, уцепившись за ветви деревьев, трепыхали крыльшками.

Баштовой постоял под деревьями, прислушался к этому странному шуму и, расстегнув китель, пошел домой по береговой дороге. Под ногами скрипела щебенка. Причудливые кусты боярышника представлялись совершенно неподвижными, как скалы. На спуске Баштовой ускорила шаги, предвкушая домашний уют, самовар, диван, на котором можно растянуться и, закулив папироску, поболтать с женой о милых пустяках. «Как все же быстро, – думал Баштовой, – женщина привыкает к роли жены и матери». Ведь совсем недавно его жена была автоматчицей их батальона, сражалась вместе с мужчинами. В прошлом году, месяца за три до высадки куниковского десанта на Мысхако, Баштовой, взяв под руку автоматчицу Олю, пошел с ней в Геленджикский загс и расписался в присутствии группы друзей, вооруженных с ног до головы. Здесь был и сам Куников, взявший с Баштовых слово «иметь его в виду», когда понадобится «крестный папаша».

Ольга, девушка из казачьей семьи, присоединилась в Анапе к отряду Куникова, отходившего тогда к Волчьим воротам. Потом она участвовала в боях под Новороссийском, у балки Адамовича и цементных заводов и высадилась с десантом на Мысхако, где на восточном берегу Цемесской бухты был отвоеван моряками Цезаря Куникова важный стратегический плацдарм, названный Малой землей. Здесь Баштовой получил сведения нашей контрразведки о том, что немцы вырезали в Анапе всю семью его жены – одиннадцать человек – за то, что Ольга ушла с моряками. Баштовой и Ольга вместе переживали это горе. Оно сблизило их еще больше. У Баштового умерла мать, когда он сражался за Одессу, брата-пулеметчика убили под Севастополем, отца давно не было. Судьба соединила на поле сражения Баштового и Ольгу, они любили друг друга. Ольга могла не идти в десант на Мысхако – ее по беременности освободили, но она пошла. Их высаживал Звенягин в зимнюю штормовую ночь. Когда мотобот не мог пристать к берегу, Баштовой бросился в ледяную воду и на плечах вынес Ольгу на берег.

Теперь у них четырехмесячный сын Генька. Так на войне Баштовой познал впервые великое чувство отцовства. Генька был самым молодым «куниковцем», Мещеряков стал его «крестным», заменив погибшего Куникова. И теперь контр-адмирал выбирает время, чтобы заехать в домик Баштовых и понянчить своего «крестника».

Баштовой замечал, как тоскует жена, с тревогой ожидая часа расставания. Она теперь не могла идти с ним, но знала, что такое десант морской пехоты, что такое «первый бросок».

Вот близок дом. Баштовой почти бежал, то и дело ступая в лужи. Не беда! Он снимет дома сапоги, и жена просушит их. Вместо сапог он наденет домашние туфли, скроенные и сшитые ею из его старой шинели. Она сейчас так удивительно просто и ловко хозяйничала в их домике...

Он навсегда запомнит контратаку на школу Станички – предместья Новороссийска. Школа стоила батальону немало жизней, но немцы штурмом снова захватили ее. Тогда при свете германских ракет моряки молча пошли в контратаку. Ольга поднялась вместе со всеми и достигла кирпичной разрушенной стены. Многие были убиты. Ольга упала, и он ринулся к ней, думая, что она тоже убита, но увидел, как сильно ее руки сжимали автомат. Короткие красные с голубым искры вырывались из ствола, и плечо ее дрожало от плотно прижатого к нему приклада. Они отбили школу Станички в ту ночь...

Баштовой, запыхавшись, почти вбежал на крыльцо и постучал. Жена как будто ждала его, где-то близко притаившись, – так быстро она открыла дверь.

– Ваня! Так долго сегодня!

– Оля, не спишь?

– У нас гости. Ждем тебя. Павел пришел с Тамани.

– Павел пришел? Отлично. Я давно не видел его.

– У нас Курасов с Таней...

– Тоже отлично, Оля.

– Как может быть иначе, – сказал Звенягин, выходя навстречу хозяину, – хотел бы я знать, как мог ты сказать иначе? Здорово, Иван.

– Здравствуй, Павел! – Баштовой обнял Звенягина. – За вами прислали с Тамани?

– Эх ты! Сразу за дела...

Звенягин маленький, с откинутой назад головой, резко покачивая плечами, пошел вперед. В комнате на диване возле Курасова прикорнула Татьяна, полуобняв его и положив ему голову на грудь. Услышав шум, она встряхнула головой, – светлые волны рассыпались, – высвободила из-за спины Курасова руку и протерла глаза.

– Пришел?

– Пришел, – ответил Курасов.

Таня, не скрывая своей радости, спрыгнула с дивана навстречу Баштовому.

– Танюша, будь готова, – сказал Баштовой, шутливо вытирая губы. Они поцеловались.

– Ольга, смотри, – Звенягин погрозил пальцем Баштовому, – пореже пускай в дом красивых подруг.

– Курасов, ты должен рассказать нам про нашего нового командира. Ты слышал, Павел? Курасов нам его привез.

– А Тузина ты хорошо знал?

– Встречались по службе, – неохотно ответил Звенягин. – Здесь разве узнаешь человека? В деле сразу разбираемся, кто каков. Вот и в новом нашем комбате скоро разберемся...

– Скоро? – переспросил Баштовой, взъерошивая свои белокурые волосы.

Звенягин, старательно размешивая сахар в стакане чая, ответил не сразу.

– К тому идет, – протянул он. – На Тамани доколачивают немцев, на Крым надо выходить, а то и так наш левый – черноморский – фланг что-то отстал. Армия к Днепру вышла. Долго казенный харч зря нам переводить нельзя... Ну, ладно, Иван. Ты видишь, как мы самоварчик сообразили с Татьяной? Сами ставили. Поет, как Лемешев. Ходим к тебе и завидуем, Ваня. Ты же человек необыкновенный.

– Действительно, такое отмочишь...

– Ты счастье на войне нашел, жизнь. Многие теряют сейчас и счастье, и жизнь, и уверенность, а ты находишь. – Звенягин повернулся к Курасову, по-прежнему сидевшему молчаливо возле Тани. – Учись, парень, у Баштовых правильной жизни.

– Учусь, Павел Михайлович.

– Врешь, не учишься.

– А вы, Павел Михайлович?

– А что я? – Звенягин засмеялся, его узкое смуглое лицо сразу стало очень юным, живые черные глаза заблестели. Потом он сразу посерьезнел, и в хмури его строго очерченных бровей появилась озабоченность. – Вот мне тоже одна нравится. Тамара есть такая; на Тамани она сейчас. Красивая, ничего не скажешь.

– Тамара девушка с огоньком, – сказал Баштовой, – я знаю ее.

– Если с огнем сравнивать, то... есть у нее огонь, но... какой-то не тот, – бенгальский. Да, бенгальский, – раздельно произнес Звенягин. – Горит, блестит, красиво! А даже папироски не прикуришь. Один холодный блеск рассыпью.

- Молодая же она совсем.
Звенягин встал, откинул голову, глаза его сияли.
- Ах, все пустое! Курасов, не прогадай. Нашел хорошую дивчину, женись.
Курасов смутился, искоса посмотрел на Таню.
- Павел Михайлович, может быть, перейдем на другой курс?
– Говорите, говорите, Павел Михайлович, – попросила Таня.
- Да что мне говорить? Вы вот думаете, я не знаю, чего вы к Баштовым зачастили? Учитесь семейной жизни.
- Да ничего подобного, – смутился Курасов.
- На вашем месте другие бы сейчас где-нибудь у кустов обнимались, целовались, а вы на огонек к семейным людям. А вот цветы надо было догадаться привезти и Ольге!
- Звенягин подошел к чуть повядшим розам, гладиолусам и астрам, расставленным на тумбочках и на комодке, наклонился над цветами.
- Мы и принесли Оле, – вмешалась Таня.
- Ты принесла, а не он... А тебе кто? Курасов. Вез из Батуми, знаю. Необычайное происшествие на флоте: морской офицер в здравом уме и твердой памяти везет из Батуми в Геленджик цветы, в пути ухаживает за ними.
- Неужели это так необычно? – спросила Ольга.
- Необычно. Если бы Курасов утопил подводную лодку и то меньше бы говорили. Так вот, Татьяна, распишем вас, как говорится, в том же самом Геленджикском загсе, куда водили мы наших Баштовых. Я принимаю, Курасов, ее в свой дивизион. Муж и жена должны быть вместе. Уйдешь, Татьяна, из госпиталя от своего начальника Рудермана?
- Я и так уйду от Рудермана.
- Послушаем, – склонив голову набок, сказал Звенягин, – каким образом? Опять через забор?
- К Букрееву уйду, в батальон... Я хотела сразу перейти в батальон, но Тузин мне не нравился.
- Так-так, продолжай.
- Тузин не нравился. Такой это раскисший сухарь, а Батраков вообще женщин ненавидит.
- Точно, – подтвердил Звенягин.
- Букреев, судя по словам Анатолия, хороший человек. Вот к нему пойду и попрошусь.
- К Букрееву? Тут надо померекать...
- Я была в морской пехоте. На перевалах была, зимой.
- На перевалах! На перевалах матросы бились на земле, а ты позади раненых перевязывала, – строго начал Звенягин. – А морская пехота в десанте совсем другое. Спроси у Ольги, что это значит. Ты знаешь, как немцы побережье укрепляли? Так вот, Татьяна. Повоевала ты достаточно. Кончится война, будете примерными женами, детей будете рожать, бросите автоматы, пистолеты и займетесь своим делом.
- Рано еще об этом говорить, – возразила Таня. – Рано.
- Сами мы с врагом справимся. Ты еще ни одного ребенка не родила, а в десант... Ты должна испытать чувство материнства...
- Таня порывалась что-то сказать Звенягину, но, видимо, сдерживалась. Щеки ее горели.
- Прости, если что не так, – сказал Звенягин, – и давай поставим другую пластинку.
- Нет, я хочу продолжать разговор. Если хотите знать, если хотите знать...
- Ну-ну... хотим знать.
- Я уже имела ребенка, Павел Михайлович, – выпалила она.
- Имела? – Курасов нахмурился.
- Вот оно что, – Звенягин шутливо почесал затылок. – Как же это так?
- У меня был муж, военный командир. Он был убит под Москвой. Ребенок мой с мамой.

– Мама где? Что же ты молчала до сих пор! – воскликнул Баштовой.

– Мамы нет и нет... ребенка. Не спрашивали, и молчала. – Таня охватила лицо руками, и по пальцам потекли слезы. Курасов усадил ее рядом с собой, и по его лицу было заметно, что он не знал, как ему держаться.

– Вот такие дела! – Звенягин покряхтел. – Растревожили раны.

– Что с мамой все же? – спросил Баштовой, присаживаясь к Тане. – Умерла, что ли?

– Не знаю. – Таня отняла руки от лица. – Мама была в Новороссийске, а потом неизвестно где... Когда мы вошли в город, там была всего одна женщина, на Анапском шоссе. Я сразу поехала туда. Это была чужая женщина. Мамы не было...

Таня рыдала. На лице Курасова выступили красные пятна. Баштовой поправлял фитиль лампы, искоса поглядывая на Звенягина.

– Да... – Звенягин подошел к Тане и положил руку ей на плечо. – Может быть, мама где-нибудь на Кубани? Искала?

– Искала, не нашла. – Таня всхлипнула. – Не нашла. Ее, наверное, угнали в Крым. Она старенькая и маленький ребенок...

– Ну, плакать перестань, Таня. А надо было раньше сказать обо всем. Тому же Курасову сказать. Мы высаживали десанты на Тамани, перехватывали караваны, знали бы, искали бы твоих. А теперь что? Надо ждать, пока освободим всю Тамань. А на Тамани не будет – в Крыму найдем.

Таня отняла руки от лица.

– Не хотела говорить. Теперь сказала. И не могу я здесь сидеть спокойно. Потому и хочу опять в морскую пехоту.

– Твое дело, Таня, – строго сказал Звенягин. – Оспаривать твое право не стану. Хотя бы не советовал все же. Матросы ворвутся в Крым и без тебя.

– Я попрошусь к Букрееву.

– Ладно, разве вас, женщин, переспоришь?

Звенягин посмотрел на часы.

– Ого, мы заболтались! Мои матросы, видать, позябли. У них-то самоварчика нет. До свидания, хозяева. Ты, Курасов, можешь оставаться. Ольга, будь здорова.

Звенягин надел плащ, застегнул все пуговицы. Попрощавшись с Таней, он вышел вместе с Баштовым на крыльцо.

Небо прояснилось еще больше. Были видны припавшие к хребту утренние Стожары, Большая Медведица перевернула свой ковш у тяжелой и сытой, почти неподвижной тучи. На ближних ночных аэродромах вспыхивали и гасли голубые лучи посадочных прожекторов. Звенягин прислонился к замшелому столбику крылечка.

– Вот, Иван, сколько всякого, и хорошего, и плохого, в этом мире, – тихо сказал Звенягин. – Меня эта сцена с Татьяной разволновала. Что жизнь? Как тот вон прожектор: засиял на миллион свечей и потух. Сегодня Таня всхлипывала, и припомнилась мне моя мама. Не мать, а именно – мама. Она старенькая у меня, Иван. В Ставрополе живет. Ждет меня день и ночь. Пишет – умывальник медный ежедневно чистит для меня. Думает, вероятно, что мы очень грязными с войны придем.

– Она не ошибается, Павел.

– Ошибается. Кто вернется, тот вернется с войны с чистой душой. А знаешь, хотелось бы вернуться. Помню свой Ставрополь, дожди весенние, теплые, по бровкам на Лермонтовской улице вода несется. А ты, сопливый, бездумный мальчуган, летишь и рад... – Звенягин придвинулся к Баштовому близко. – Ты знаешь, на сердце у меня, Иван, нехорошо, устал я как-то. Чепуха разная ковыряется, ковыряется...

– Какая чепуха?

– Не стоило бы, но тебе, как другу, скажу. Ты веришь в предчувствия?

– На такой вопрос не решаюсь сразу ответить. Про себя не скажу. Но вот Куников верил, сам предчувствовал... Да ну тебя!

– Ты можешь себе представить, чувствую что-то такое и я... плохое. Шел сюда с Тамани, выдержал свой сорок четвертый бой. Атаковали пикирующие. Чуть комдив Павел Звениягин оверкиль не совершил. Стал вот я задумываться, подхожу к критической цифре. Сорок четвертый, сорок пятый, шестой, но не может же так долго везти? Нет у меня сзади чертячьего хвостика!

– Зря ты такими мыслями голову себе забиваешь, Павел.

– Знаю, что зря, но Куников тоже предчувствовал?

– Вот сказал тебе на свою голову!

– Я вез его тогда в Геленджик с Малой земли раненого. Он яблоко просил тогда и воды. Ну, в общем, конечно, прости меня, но, как с другом, хотел поделиться. Не думай, что я свой долг от этого хуже буду выполнять... Но человек есть человек. Проводи меня донизу...

Они спускались к причалу. Звениягин молчал. Краснофлотцы на малом катере, «каэмке», как называют его черноморцы, при появлении командира дивизиона вскочили. Звениягин, на ходу пожав руку Баштовому, прошел на корму. Вскоре тихая воркотня мотора затихла в направлении Солнцедара. Баштовой поднялся вверх по тропке. Его ожидали жена и Таня.

– А где Курасов?

– Он куда-то ушел, – тихо ответила Таня. – И пусть уходит...

– Вы что с ним не поцарапались ли?

– Как будто нет, – уклончиво ответила Таня и первая пошла к домику...

Глава седьмая

Майор Тузин сдавал батальон. Хотя с Букреевым они были давние сослуживцы, Тузин вел себя подчеркнуто официально.

– Ты на меня в обиде, Тузин?

– Дуй, дуй до горы, – просипел тот.

Что означала эта фраза, объяснить, конечно, было трудно.

– Вот еще пэ-тэ-эры, – небрежно бросал Тузин, – грозное оружие. Одиннадцать штук с комплектами патронов. Фляг четыреста тридцать.

– Людей, давай людей. Имущество уже Баштовой принял.

– Людей? – Тузин засунул ладони за пояс и из-под своих опухших век смотрел на Букреева с явным недоброжелательством. – Читай списки...

– Может, дадите кому-нибудь характеристики, товарищ майор? – спросил Букреев, раздражаясь. – Многих я не знаю – влились новые люди.

– Мои характеристики – дым из трубы. Не хочу даже голову ими тебе забивать. Похвалишь кого-нибудь, присматриваться начнешь: почему Тузин хвалил? Не хочу карьеры кое-кому портить.

– Ну, тогда... Я разберусь здесь с начальником штаба и... если будете сегодня нужны, позовем, товарищ майор.

– Можно идти, товарищ капитан? – с издевкой спросил Тузин.

– Да.

Тузин, повернувшись через левое плечо, вышел из штаба, нарочито печатая шаг. Букрееву было неудобно перед Баштовым.

– Будто его подменили, – сказал он смущенно, – ведь был неплохой командир и товарищ.

– Вы разве не заметили, товарищ капитан, он выпил, – сказал Баштовой.

– Представьте, не заметил. Я совершенно не могу узнавать пьяных. Мне казалось, он просто взвинчен. Ведь все же неприятно сдавать часть и уходить с таким хвостиком.

– Мы его сразу не приняли. Очень неровный он человек. То лебезит перед каждым, то не подступи. Моряки любят искренность в командире. Если его за дело отругают – не обидится, а если ни с того ни с сего приласкают, удивится и присматриваться начнет. – Баштовой сложил бумаги. – Со всем разберемся, вы не беспокойтесь. Писанина вся на моей ответственности, не забивайте ей себе голову, товарищ капитан. Люди, материально-техническое снабжение в порядке. – Сегодня все закончим, и можете отдавать рапорт контр-адмиралу.

Доносились резкие залпы минометных батарей, стрелявших по щитам в море, и отдаленная, заглушённая расстоянием ружейная и пулеметная перестрелка. Это батальон проводил занятия у мыса и в лесу, у подножия Маркохта.

– Складывайте все эти папки в шкаф да поедemте со мной к батальону, – сказал Букреев.

– У меня есть одно предложение, товарищ капитан, – сказал Баштовой, когда они вышли к машине. – Что, если после учения мы пройдем к могиле Куникова и... почтим его память? Я что-нибудь скажу, как его друг, капитан Батраков скажет. В батальоне у нас есть куниковцы, это поддержит людей... Как вы думаете?

– Я согласен. Поговорю еще с капитаном Батраковым. Он знал и любил Куникова.

Баштовой приготовился открыть дверку машины, задержался. Его лицо, прорезанное почти по всему лбу до самой переносицы шрамом, приняло суровое выражение.

– Видите его, Тузина? – Начальник штаба махнул рукой.

Тузин стоял возле камбуза, спиной к штабу. Возле него розовощекий и упитанный кок Кулибаба любовно рассекал на колоде говяжью тушу. Красные с жировой желтизной куски мяса так и летели из-под его широкого топора на брезент, раскинутый возле колоды. Подруч-

ный кока, худой и узкогрудый паренек в бескозырке, которая (сразу было видно) перешла к нему с чужой головы, почтительно слушал майора, опустив по фартуку длинные руки. Вот Тузин присел на корточки к брезенту и, тщательно выбрав кусок мяса, завернул его в газету. Кулибаба облокотился на топор, неодобрительно наблюдая за майором. Когда Тузин встал и что-то сказал коку, тот, не обращая уже на него внимания, яростно «ухал» топором.

– Так у майора бывает зачастую, – сказал Баштовой. – Свежее мясо достал Батраков, а он тут как тут. Никогда сам о питании бойца не подумает, а только о своем.

Машина бежала по извилистой дороге, изрезанной колеями. Пожелтевшие кустарники, скрученные так, как будто их специально сплетали, все время сопровождали их По-летнему высокое ясно-голубое небо оттеняло ломаную линию хребта, заросшего лесом. Стрельба приближалась, и, хотя батальона еще не было видно, по звукам можно было определить его расположение.

Батальон только что отштурмовал крутой берег горной речки. Берега носили следы недавней атаки: отпечатки сотен подошв, сломанные ветви и промятые в кустарниках продольные лазы. Еле уловимый сернистый дымок еще не рассосался в воздухе. Батраков, окруженный людьми, сидел на камне и что-то убежденно и резко говорил. Увидев подошедшего из-за кустов Букреева, Батраков скомандовал батальону «смирно» и доложил о происшествии.

Командир первой стрелковой роты старший лейтенант Рыбалко только что во время занятий допустил ошибку. Вместо того чтобы приданными ему пулеметами обеспечить атаку с флангов и в промежутках между взводами, пулеметы отстали от цепей и начали вести огонь поверх голов, тогда как удаление цепей от пулеметов не обеспечивало безопасности такой стрельбы. В результате двух моряков легко ранило.

Букреев сразу припомнил характеристику Рыбалко, данную контр-адмиралом.

– Но Рыбалко все же сломил «противника»? – Букреев ободряюще улыбнулся смущенному Рыбалко.

– Сломил, товарищ капитан! – рявкнул Рыбалко.

– Помолчите, товарищ старший лейтенант, – строго заметил Батраков.

– Виноват, товарищ капитан! – не меняя позы, отрубил Рыбалко.

Его украинский выговор и смешливые глаза с огоньком природного лукавства понравились Букрееву. По тону Батракова и поведению остальных он понял: Рыбалко – один из любимцев, и ему многое прощается.

Букреев догадался и о причине взволнованности Батракова – ведь он проводил занятия, и вот сразу, при новом командире, блин получился комом. То, что замполит выносил на обсуждение поступок офицера в присутствии рядовых, как вначале подумал Букреев, было неправильно. Батракова окружали только офицеры без погон, одетые в такие же куртки морской пехоты, что и рядовые. Некоторых из них Букреев знал, они вошли в первое формирование в городе П., но большинство было ему незнакомо. Рядовые сидели под деревьями, курили, стараясь не заснуть, вскидывали головы и осматривались сонными глазами. Опыт Букреева подсказал ему, что люди переутомляются, недосыпают.

Букреев приказал позвать раненых. Манжула побежал за ними. Разрешив офицерам курить, Букреев наблюдал, как, узнав о прибытии командира батальона, люди шушукались, поднимались, стараясь рассмотреть его.

– Хорошие ребята раненые, товарищ Рыбалко? – спросил Букреев.

– У меня плохих нет, товарищ капитан.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан, – сказал командир пулеметной роты старший лейтенант Степняк. – Мне кажется, командир роты старший лейтенант Рыбалко неправильно форсировал речку.

– Почему неправильно? – Рыбалко сразу вспыхнул: этот Степняк всегда что-нибудь...

– Не перебивайте! – Батраков сердито посмотрел на него.

Степняк с подчеркнутой снисходительностью выдержал паузу.

– Рыбалко всегда любит фронтальные прорывы и поэтому безрассудно лезет напролом. – Степняк подчеркнул последнее слово. – Его знаменитое «сломыв» когда-нибудь выйдет ему боком.

– Завсегда выходило и выйдет, – огрызнулся Рыбалко.

– Я же говорю – боком, товарищ старший лейтенант.

– Сейчас трудно решить, кто прав, кто виноват, – спокойно оказал Букреев, – успех штурма укрепленной полосы иногда в большой мере зависит именно от стремительности, от натиска. Во время же учебных занятий при условном противнике... Я помню еще в военной школе в спорных случаях нам приводили в пример одного капитана, который сорок лет служил в армии, сорок лет на маневрах брал один и тот же холм и все время ошибался.

Офицеры одобрительно засмеялись.

Манжула привел раненых. У одного из них, Воронкова, некрасивого угрюмого человека с широкими сильными плечами, была перевязана рука; второй, Кондратенко, бравого вида, старшина минеров с эсминца «Беспощадный» с двумя орденами Красного Знамени и медалью за оборону Севастополя, совсем не был перевязан. Букреев обратил внимание на то, что Кондратенко в отличие от всех был без куртки, в одной гимнастерке.

– Ну что же, Воронков, придется в госпиталь, – сказал Букреев.

– Из-за этого в госпиталь? Я сейчас могу этой рукой все, что угодно... товарищ капитан.

– А вы куда ранены, Кондратенко?

– Никуда, товарищ капитан.

– Никуда?

– Я не заметил, товарищ капитан.

– Но вы ранены?

– Оцарапало...

Кондратенко стиснул зубы, и Букреев видел, что ему трудно удержаться от стога.

– В чем же дело? – Букреев вопросительно посмотрел на Рыбалко.

– Кругом! – скомандовал Рыбалко.

Кондратенко четко повернулся кругом. Гимнастерка пониже левой лопатки была косо разорвана, свежее пятно крови расплзлось к подмышкам, спускалось к поясу.

– Почему до сих пор не перевязывали, товарищ старший лейтенант? – строго спросил Букреев Рыбалко.

– Он не позволял, товарищ капитан. Такой чертяка!

– Кругом! – скомандовал Букреев.

Выгоревшая до белых ниток бескозырка Кондратенко с надписью «Беспощадный» была надвинута немного на лоб, чтобы не был виден чубчик. Крупные капли пота, выступившие на носу и подбородке, выдавали скрытую боль.

– Если ранен, надо постараться перевязать рану, – сказал Букреев. – Потеря крови выводит из строя. Отказ от перевязки равносителен симуляции.

Кондратенко вздрогнул, пошатнулся, но сдержал себя и снова застыл, собрав у настороженных и сразу озлобившихся глаз морщинки.

– Два наряда вне очереди за отказ от перевязки. – Букреев пылливо наблюдал за Кондратенко. Он, как бы изучая эти недобрые огоньки во взгляде Кондратенко, выдержал паузу. – За мужество благодарю, товарищ Кондратенко.

Букреев сделал шаг вперед, протянул ему руку, и Кондратенко пожал ее. Задержав его широкую ладонь в своей руке, Букреев заметил, как исчезло недоброе выражение с лица Кондратенко, глаза стали светлее. Букреев отпустил его руку.

– Немедленно сестру и отправьте его в госпиталь на моей машине.

Моряки, окружившие их, наблюдали заключительную сцену, и по их затаенному дыханию и настороженности командир батальона понял: малейшая растерянность сразу же выбила бы почву из-под его ног и ничто не спасло бы его от морального поражения; сейчас он пока победил в этой первой встрече с моряками; одобрителный шепот, уловленный им, доказывал это.

– Старший лейтенант Рыбалко, постройте батальон!

– Есть построить батальон, товарищ капитан! – рявкнул Рыбалко. – Батальон, слушай мою команду! Становись! Равняйся! Смирно! Равнение направо!.. Товарищ капитан, по вашему приказанию батальон построен.

Люди стояли не шелохнувшись. Букреев внимательно смотрел на их молодые, здоровые лица, и они полюбились ему. Укрепленный ветеранами батальон не стал пестрым. Сейчас даже трудно было отличить ветеранов от новичков, так как ордена и медали были скрыты под куртками. Перед ним стояли молодые сильные люди с внутренним сознанием своей силы, люди, зачастую разукрашенные почетными шрамами, возмужавшие в сражениях. «Тридцатка» стояла в первой шеренге роты автоматчиков. Они отличались от остальных только формой: черными брюками, бушлатами и новенькими бескозырками, на которых сияли названия славных черноморских кораблей.

– Батальон! Слушай мою команду! – Букреев поднял голову, напряг тело, сразу забыв про свое плохое сердце. – Направо! Направление к могиле Героя Советского Союза майора Цезаря Куникова, шагом марш!

Батальон шел в походных колоннах по грунтовой колесной дороге. Покачивались плечи, бескозырки и оружие.

Букреев шагал рядом с Батраковым. Ему хотелось определить, откуда у этого человека то, что сблизило его с моряками, заставляло ценить и уважать его. По внешнему виду он отличался от любого бойца батальона. Даже в костюме его была допущена вольность: вопреки полевым условиям и службе в морской части он носил цветную армейскую фуражку, неловко сидевшую на голове, отчего его растопыренные уши казались еще больше. Щупленький, узкогрудый, с опущенными, выдвинутыми вперед плечами, он шел сейчас задумавшись, смотря прямо перед собой светлыми, удивительно ясными глазами.

Когда-то, оставив курсы политруков на мысе Фиоленто, Батраков пришел в батальон дунайцев к известному Горпищенко. Тогда его вид впервые родил к нему недоверие как к боевому человеку. Но тогда же он в бою завоевал уважение к себе.

Потом была Малая земля, штурм Новороссийска и другие десанты. Батракова видели везде, он был таким же ветераном, как Рыбалко или Степняк, Цыбин или командир роты ПТР Яровой.

...Кончился обветшалый осенний лес. Дорога привела к окраине города. Одиночные постройки из дикого камня стояли то тут, то там; будто они отбежали от города, не могли туда вернуться и стать в ряды улиц.

Кладбище почти примыкало к окраине и занимало большую, неогороженную площадь. Виднелись старые кресты и заброшенные могильные плиты со съеденными временем надписями. Среди кустов держидерева бродили козы, резвились козлята, поднимая куцые розовые хвосты свои и мелко перебирая копытцами. Возле старого кладбища, что ближе к городу, торчали столбики с прибитыми на них дощечками. Это были братские могилы черноморцев, павших при штурме Новороссийска. Между могилами еще валялись носилки с черной от крови парусиной. На носилках сюда приносили убитых и хоронили в братских могилах.

Изредка выделялись огороженные могилы летчиков. Обломки воздушных винтов, как кресты, возвышались над дощатыми памятниками.

Среди могил ходило несколько женщин. Они читали редкие надписи, смотрели цифры на дощечках, неслышно плакали; может быть, они искали среди погребенных своих родных, может быть, вспоминали близких, идущих по далеким фронтам войны.

Баштовой ускорил шаги и первым подошел к могиле Куникова, огороженной штакетником, выкрашенным в голубой цвет. Памятник – деревянный конус со звездой из жести – был тоже выкрашен голубым, под цвет моря, по требованию моряков-куниковцев. К памятнику была прибита железка с надписью: «Герой Советского Союза майор Цезарь Львович Куников, 1909–1943 г. Погиб смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками». Баштовой сам хоронил Куникова и своими руками надписывал эту надпись. Все было знакомо и близко.

У ограды стоял Звенягин. На глиняном холмике могилы лежали цветы.

– Павел?

Звенягин медленно повернул голову на оклик Баштового, но остался в прежней позе, положив одна на другую опущенные руки, в которых он держал свою старую фуражку.

– Поговоришь с нашими, Павел?

– Нет. Сами поговорите.

Звенягин натянул фуражку на голову и пошел, не оглядываясь, по кладбищу, всматриваясь в цифры на дощечках и надписи.

Рыбалко разворачивал роты, чтобы удобнее выстроить их вокруг могилы. С восточной стороны мешала ограда, где были погребены артиллеристы. Возле нее оказались пулеметчики Степняка, но так как места не хватало, многие оказались с той стороны ограды и выглядели, становясь на носки из-за острых концов штакетника. Стрелки первой роты заняли место впереди по приказу Рыбалко.

Автоматчики Цыбина успели незаметно потеснить стрелков Рыбалко – им тоже хотелось быть впереди и увидеть могилу, которую они не догадались раньше посетить. Среди бойцов Ярового нашлись моряки, хоронившие своего бывшего командира: их пропустили ближе к офицерам.

Женщины, ходившие по кладбищу, приблизились и держались кучкой. Две молодайки, пришедшие за козами, прихорашивались, игриво посматривая на моряков, обративших на них внимание.

В воздушном потоке, почти не взмахивая крыльями, плыл коршунок.

– С автомата бы его, – сказал молоденький русский моряк, стоявший позади и из-за малого своего роста ничего не видевший за спинами товарищей.

Его приятель, долговязый парень с худой мускулистой шеей и черными не улыбочивыми глазами, внимательно проследил за коршуном.

– Не попадешь, Шулик, – сказал он, – высоко ходит, да автомат, сам знаешь, прицела почти не имеет.

– А нужно бы попробовать когда-нибудь, Брызгалов, а?

– Один попробовал, да сдох, – Брызгалов тихо рассмеялся, но, сообразив, что смех сейчас не к месту, оглянулся, посерьезнел.

– Опять парит с утра, – сказал Шулик, – к дождю.

Брызгалов, вытянувшись, взгляделся через головы.

– Начальник штаба что-то будет объяснять.

– Водят по кладбищам, – недовольно пробрюзжал Шулик. – И так не сладко, а тут вспоминают, что у тебя билет с пересадкой.

– Да замолчите вы, чекалки, – укорил их пожилой пулеметчик в рыжей шапке-ушанке.

Присутствие в батальоне пожилого человека объяснялось только тем, что дядька Петро, как его называли, или Курдюмов, был рекомендован командованием флота в морскую пехоту, как знаток побережья, пожелавший добровольно сражаться против немцев.

Шулик хмыкнул и заломил бескозырку.

– Ты что, старшина, дядько Петро?

– Непутевщина, – со вздохом сказал Курдюмов. – Охота у вас все по крышам голубей гонять. Подучиться бы вам еще, зеленой вербе.

– Подученным умом до порога жить, дядько Петро, – огрызнулся Шулик.

Курдюмов отвернулся. Шулик, хихикнув, подтолкнул Брызгалова.

– Осечка у дядьки Петра, Брызгалов.

Брызгалов не поддержал приятеля.

Баштовой начал свою речь. Все люди батальона знали, что их начальник штаба – боевой офицер, прошедший и «Крым и медные трубы». Его видели в настоящих перепалках. У него ордена и медали, которые получают не зря.

Брызгалов слушал своего начальника штаба, слушал теперь его и Шулик, подняв голову кверху, слушал Курдюмов, стиснутый двумя пулеметчиками, – слушали все.

Баштовой говорил взволнованно, коротко, взмахивая сжатым кулаком. Баштовой рассказывал о том, как в ночь на 4 февраля этого года десантный отряд майора Куникова бесшумно подплыл к берегам, занятым противником, – к восточному берегу Цемесской бухты.

Люди насторожились. Им, готовящимся к такому же делу, тоже нужно подбираться именно так – бесшумно.

Люди притихли, и теперь слышен был даже назойливый гул шмеля. Начальник штаба говорил простые слова: «Выполняя клятву, данную великому Сталину, моряки шли на подвиг, на смерть или победу».

Лица сосредоточенно напряжены. Сейчас было сказано, на что они должны идти, выполняя клятву вождю. Подвиг, смерть или победа. Баштовой как бы сближает Куникова с этими простыми людьми, описывая его внешний вид. «На груди автомат, в теплом, стального цвета ватнике, в такой же шапке-ушанке, слегка надвинутой на брови, неся на себе две тысячи патронов и десять гранат, майор Куников подошел на флагманском катере одним из первых к вражескому берегу и начал грозный победный бой с врагом. Он быстро парализовал береговую оборону немцев и вместе со своими отважным друзьями-моряками выполнил приказ командования, захватил плацдарм и ворвался в предместье города – Станичку, которую сейчас жители Новороссийска называли „Куниковкой“».

Шулик так внимательно слушал, что дядя Петро, искоса взглянув на него, одобрительно кивнул головой.

Баштовой рассказывал, как восемь дней отряд Куникова вел бой на Малой земле, как не сдвинулись ни на шаг моряки, как погибали боевые друзья майора, офицеры Костиков, Таранов, как, прикрыв его своей грудью, свалился его верный и бесстрашный адъютант Хоботов, прошедший вместе с ним тяжелый путь от Азовского моря. «Мы победили. Плацдарм был взят, отвоеван, удержан...»

Баштовой рассказал, как Куников был в самых опасных местах и как вместе с моряками бесстрашно бросился в контратаку.

Восемь дней сражался Куников, а одиннадцатого февраля не стало «старшего морского начальника Малой земли», как его называли моряки.

Позади Букреева стоял незаметно подошедший Звенягин. Он слушал внимательно Баштового, но ничего не сказал ему, когда тот, еще взволнованный, стал возле него.

Когда Букреев, решив говорить, снял свою морскую фуражку, Звенягин с любопытством приподнял брови. Сейчас, после очень простой и человеческой речи Баштового, так легко допустить ошибку. Все ясно, цель достигнута. Что может добавить новый, еще не известный боевыми делами командир батальона?

– Друзья-моряки, – тихо сказал Букреев. – Мне еще не пришлось рядом с вами сражаться. Но я – советский офицер, пятнадцать лет своих отдавший армии. Я верю в вас, а вы доверьтесь

мне. Клянусь здесь перед могилой героя-майора Куникова, что я буду стараться быть подобным ему...

Букреев хотел еще что-то сказать, но моряки уже подняли, по традиции морской пехоты, бескозырки на дула винтовок и автоматов и как бы проголосовали доверие своему новому командиру.

– День первый, – сказал Звениягин, представляясь Букрееву, – и потом будет день второй, день третий, четвертый и так далее...

Глава восьмая

Поручив батальон Батракову, Букреев искал Тузина, чтобы вместе с ним явиться к контр-адмиралу. Манжула хотел сопровождать комбата, но тот приказал ему оставаться на занятиях.

День первый, как выразился Звенягин, начинался неплохо. Букреев был доволен общим состоянием батальона и офицерским составом. Он теперь совершенно не понимал своего предшественника Тузина. «Сказываются годы, – подумал Букреев, – сорок пять лет для строевого майора, конечно, не мало. А потом, после длительного тылового состояния сразу в десант тяжело».

Букреев шел быстро, чтобы проверить сердце.

Тузин появился неожиданно из-за кустов шиповника, усыпанного яркими плодами, выделяющимися на фоне умирающей листвы.

– Майор, а вы мне нужны, – весело воскликнул Букреев. – Надо идти к контр-адмиралу.

Тузин остановился, зажав потухшую папироску под широкими рыжеватыми с проседью усиками.

– Так... Уже майор, уже – вы...

– Тю, чертило! Тебе, право, не угодишь, Тузин.

Тузин вынул сделанную из прозрачного авиационного стекла зажигалку с надписью «Участнику отечественной войны майору Тузину». Крутя закопченными пальцами колесико, он старался прикрыть надпись, и это Букреев посчитал хорошим знаком. Холодная голубоватая искра, сверкнувшая несколько раз, фитиль не зажгла. Тузин спрятал зажигалку в карманчик для часов и выбросил окурочок.

– Подсидел, подсидел ты меня, Букреев. Не знал тебя, оказывается... Ловок.

– Не глупи, Тузин... – сдержанно сказал Букреев. – Все для меня было полной неожиданностью. Я, когда узнал, что с тобой неважно...

– Что же, выслуживайся, – хмуро взглядываясь в лицо Букреева из-под своих нависших бровей, процедил Тузин. – Не поздно ли только начал? Много времени зря потерял. Хотя тогда не то... отступали. Теперь самый раз... Дуй, дуй до горы, товарищ командир батальона.

– Мне просто странно слышать от тебя... такое, – с раздражением заметил Букреев. – Ведь ты все же офицер, а не базарная торговка. Как не стыдно только...

– Ну что же, сообщи. Скажи Батракову, у него есть политдонесения. Помог меня сковырнуть, поможет и добить. Да... Не успел с катера сойти, не успел в батальоне появиться и сразу к контр-адмиралу. Далек пойдешь, Букреев. Ты что же это меня оговаривал по радио или телефонно-телеграфной связью? Манжулу за тобой послали, «телохранителя». Специальным самолетом. Фигурой какой ты стал, а?

– Чепуху ты городишь, Тузин. Сколько выпил? Весь исцарапался.

– Выпил двести граммов. Точно. Оборвался, собирая шиповник, или, как некоторые выражаются, витамин цэ... Понятно?

Тузин похлопал по оттопыренным карманам, покачался на широко расставленных ногах, сбил на затылок фуражку. На лбу прилипли редкие волосинки, пояс спустился, сапоги были запылены и исцарапаны.

– Ничего не понимаю, Тузин, – брезгливо разглядывая его, сказал Букреев. – Вижу одно, в таком виде нельзя тебе появляться на глаза контр-адмиралу. Я хотел сегодня закончить все формальности.

– Почему? Пойдем к контр-адмиралу. Я собирал витамин цэ... Мозолил всем глаза и рвал ягоды, – он вывернул карманы, и шиповник посыпался на землю... – Ягоды, или, как там их, плоды, овощи, словом, витамин цэ...

– Заладил «витамин цэ», как сорока, Тузин. Смешно.

– Смешно? Нет, не смешно... Это я для того, чтобы поднять твой авторитет. Меня Батраков учить вздумал: «Не подрывай авторитет нового командира». Вот я и не подрываю. Раз, по заявлению нового командира, сделанному самому контр-адмиралу, я люблю витамин цэ, значит, я должен его собирать. Букреев не может ошибаться, врать... Теперь понял?

– А-а-а, – Букреев улыбнулся, – вот ты к чему? Смешной ты человек. Знаешь, давай-ка я тебя отведу домой, проспись, а потом к вечеру отрапортуем.

– Ты должен теперь говорить по их, морскому: отдавать рапорт... Рапорт. Вместо компаса – компас. Ударять на «а». А потом еще киль, корма, клотик, трап, гальюн. – Тузин подступил к Букрееву, ухмыльнулся. – Морской картуз надел. Ловко? Ха-ха-ха... Сразу подмазываться. Верный ход. Пятнадцать лет носил такую фуражку, – тут он ударил щелчком по своему козырьку, – и за пятнадцать минут такая перемена. К ним не подмажешься, Букреев.

– К кому это к ним?

– К морякам. Все едино – ты останешься для них чужаком. Какие бы перья себе в хвост не вставлял! Потолкуй с ними. Каждый из них минимум адмирал Нахимов или матрос Кошка. У тебя орденов нет, а у них? Звенят от плеча до плеча. Ты знаешь, что такое куниковцы? У тебя их душ полтора. Люди, отравленные славой.

– Чепуха, Тузин. Знаю куниковцев. Герои. И остальные герои. И если ты этого не понял, то вполне правильно тебя отстранили от командования. Какое доверие тебе оказали, а ты...

Букреев со сдержанным раздражением бросал слова, зная, что смысл их вряд ли дойдет до сознания этого обиженного человека.

– Не шуми, Букреев. Меня на красивое слово не возьмешь. Герои? Верно. А тебе от этого легче? Ты командир без рода и племени, а они – герои. С ними можно воевать, но не нам. Когда я уходил тогда с батальоном, вел новичков и не верил, что я их сделаю героями. Я! Прибыл сюда, влили ко мне героев, и точка... Им нужен свой громобой. А ты офицер-интеллигент. Глянь, какая у тебя физиономия! Даже наружность у тебя не та.

– По-моему, ты очень заблуждаешься, Тузин. А вот возьми Куникова – каков он был внешне? Средний человек. И интеллигент был Куников и нисколько не ухарь!

Тузин выслушал Букреева, искривив толстые губы и отряхивая карманы. Когда Букреев замолчал, он, прищурившись, посмотрел на него.

– Так, – протянул Тузин. – Так говоришь, Куников? – Тузин повысил голос: – Куников шел с моряками от Азова. Узнай у Баштового. Сам Баштовой тоже учительшкой был. Но за ним шлейф: Одесса, морские десанты. Так и Куников. Он для них еще до Мысхако таким же был, как Рыбалко или Яровой. То, что он был каким-то редактором газеты в Москве, их не касалось. Вон Горленко, – есть такой командир пульзвода у Степняка, – игрушки месил из глины когда-то и сам об этом везде трубит, но теперь-то он кто? Пойми, Букреев, я хитрее тебя всегда был. Начинать сразу так, как ты решил, опасно. Слوميшь голову, слوميшь, как пить дать! Вот тогда вспомнишь майора Тузина, своего бывшего приятеля. Даже если батальон выиграет, ты проиграешь. Пустой номер потянешь. Морская пехота это тебе не раз-два, левой, правой. Это не просто пехотная армейская часть. Куниковцы были, ботылевцы были, а букреевцев не будет!

Отлично начатый день был испорчен. Сухо расставшись с Тузиным, Букреев изменил направление, решив пройти к центру города окраинными улицами, памятными с далеких дней. Здесь он когда-то гулял с девушками. Одна его знакомая жила примерно вот на этой, всхолмленной улице, в домике, оплетенном диким виноградником. Ничего не сохранилось: ни домика, ни беседки, ни яблонь. Все было смято войной. В воронки залилась вода, озеленив щебенку почвы, привявший курослеп окружал почерневшие остатки фундамента. Рассматривая столб калитки и на ней жестянку с номером дома, Букреев увидел Манжулу, стоявшего в нескольких шагах от него, у шелковицы.

– Вы почему здесь, Манжула? – опросил Букреев. – Я ведь приказал вам остаться.

– Комиссар послал спросить, не нужна ли вам машина, товарищ капитан.

Появление Манжулы не вызывало удивления: еще вчера было решено прикомандировать Манжулу к Букрееву, а Горбаня – к Батракову.

– Мы пойдем пешком, Манжула. Кстати, вы видели майора Тузина?

– Так точно, товарищ капитан. Я видел его, когда вы с ним говорили.

Они пошли рядом. Манжула односложно отвечал на вопросы и держался скромно, понимая разницу в их служебном положении. Качества Манжулы были хороши для человека, который должен быть все время вместе со своим офицером. Букреева всегда корбила развязность большинства адъютантов.

Глава девятая

Большой красный шар солнца опускался над морем, когда Букреев возвратился к казармам. Он прошел пешком довольно большое расстояние, и это освежило его, привело в спокойное состояние. Поведение Тузина теперь казалось просто глупым и недостойным.

Послав Манжуну справиться об ужине, Букреев остановился у обрыва. Скалы, в беспорядке громоздившиеся у берега, горели со стороны, обращенной к солнцу, а с другой стороны все так же темнел мох, и из холодных расщелин поднимались струйки пара. Плес бухты был позолочен заходящим солнцем; стоявшие на якорях шхуны и сейнеры мирно покачивались. Носились и кричали серебристые чайки, а ближе к берегу плавали перелетные дикие утки. Над хребтом с угрюмым спокойствием поднимались облака, окаймленные красным. Что-то тревожное было и в окраске скал и облаков, и в крике чаек... Песчаный язык Тонкого мыса, покрытый веселой позолотой, вытянулся из сизого мелколесья, придавленного черными зданиями и конусом церковной колокольни. И дальше, на другой стороне бухты – к Кабардинке и Новороссийску, застыли высоты, заросшие деревьями, гребни вздыбленной, мрачной земли. По горизонту на море виднелись катера охраны внешнего рейда, и за ними в каком-то кровавом сиянии двигался, дымя трубами, караван, возвращавшийся с фронта на юг. С моря, все увеличиваясь в размерах, летел самолет похожий на птицу, схватившую каждой лапой по огромной рыбине. Это был ближний морской разведчик с подвешенными внизу поплавками – устаревшая машина, но на закате своих дней прославленная как бомбардировщик летчиками Канарева и Мусатова под Севастополем, Мысхако, на перевалах и на Тамани.

Послышалась песня. По приморской дороге извивался черной лентой батальон. Букреев, обрадовавшись песне и людям, быстро пошел с обрыва. В голове колонны шла группа офицеров и среди них ссутулившийся и ритмично размахивающий руками Батраков. Поравнявшись с командиром батальона, он остановил колонну.

– Решил сегодня пораньше привести народ, – сказал он, подходя.

Впереди автоматчиков шли песенники, собранные со всех рот, во главе с запевалой Степняком. Моряки шли, расстегнув вороты гимнастерок, чтобы были видны тельняшки. Батраков смотрел на них, не скрывая восхищения, и тоже расстегнул ворот гимнастерки.

– Степняк! – крикнул он. – Софию Павловну!

Степняк, озорной, любующийся собой красавец, сразу же завел высоким и чистым тенором:

Познакомился я с Софой
Раннею весной,
И из-за этой самой Софы
Пропил отпуск свой.
Софа ангел, Софа душка,
Софушка, вы ангел мой!
Автоматчики подхватили припев:
Софушка, София Павловна!
София Павловна, где вы теперь?
Полжизни я готов отдать,
Чтобы Софу повидать.
Софушка, вы ангел мой!

Песня перекинулась к стрелкам Рыбалко, а потом к «пэтээрорцам» Ярового. В этой песне привлекало не ее легкомысленное содержание; «Софию Павловну» пели на Малой земле в сра-

жениях за перевалы и в тяжелые дни отхода к южным портам. Теперь, когда шло наступление, ее пели особенно весело.

Как-то Софа оступилась
И не могла встать.
Трое Софу поднимали,
Не могли поднять.
Трое думали, гадали,
Все надежды потеряли,
И пришлось пожарных вызывать.
Софушка, София Павловна!
София Павловна, где вы теперь?

Роты входили в казармы с песней.

– Вот так и живем, пока дела нет, – сказал Батраков. – Как говорится: «И пить будем, и гулять будем, а смерть придет, помирать будем». Сегодня ребята отличное рагу получают на ужин...

– Я тоже с большим удовольствием съел бы рагу, – сказал Букреев, – кишка кишке марш играет.

– Покушать вовремя не вредно.

Они направились к штабу. Из казарм высыпали люди. Они умывались тут же во дворе, поливая водой друг друга прямо из ведер. Стоило только прозвенеть колоколу, двор опустел, и к камбузу наперегонки бросились дневальные с посудой. Кулибаба выравнивал черенком черпака очередь.

Еще издали Букреев заметил на крыльце штаба девушку с выпущенным по суконной фланелевке матросским воротником. Она, подчиняясь командам начальника штаба, маршировала по крыльцу, стучала каблуками. Очевидно, проходило шуточное обучение строевому шагу. Батраков, заметив недоуменный взгляд командира батальона, безнадежно вздохнул.

– Кто это? – спросил Букреев.

– Еще одна обуза.

– Какая?

– Главстаршина Иванова Татьяна. Курасовская не то невеста, не то не разбери-бери...

– Она ведь работает в военно-морском госпитале, как мне говорили.

– А теперь просится к нам, – неодобрительно произнес Батраков. – Что у нас медом намазано? Столько желающих...

– Мне ее хвалили... Я ее знаю, правда, понаслышке.

– Смотри за что хвалили! А вот из госпиталя не знают, как ее ловчее сбегать. Там все вверх дном перевернула.

– Она хочет к нам?

– Хочет...

– Как ваше мнение?

– У нас и так девчат больше десятка. Пулеметчицы, медсестры, две даже ПТР таскают.

– Но, кажется, в штате медчасти не все заполнено. Мне докладывал Баштовой...

– Не только Баштовой. За нее десятка два заступятся. Звенягин и то просит... Дело, конечно, ваше. Но в десанте девчата ни к чему – одна канитель с ними.

Последние слова были сказаны Батраковым так, чтобы их услышала Таня. Посмотрев пренебрежительно на нее и нехотя ответив на ее приветствие, замполит прошел в штаб, куда направился и Баштовой.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан? – спросила Таня, подбросив руку ко лбу.

– Пожалуйста, товарищ главстаршина.

Букреев мог внимательно рассмотреть девушку, о которой так много говорили. Ему припомнился и Курасов, и его цветы, и разговоры Шалунова, и вообще все слухи, которые сопровождали эту светловолосую девушку с открытым и вызывающим взглядом серых глаз. Золотые нашивки главстаршины на погонах, берет с флотской эмблемой и вся морская форма, отлично сидевшая на ней, – все это шло к ней.

Таня просила о переводе в батальон, приводила какие-то невразумительные доводы и, окончательно сбита с толку молчанием Букреева, запнулась и остановилась на полуслове.

– Насколько понял, вы хотите перейти служить в морскую пехоту?

– Да, товарищ капитан. И если вы думаете...

Она смотрела на него сразу потемневшими глазами, в которых можно было прочесть недружелюбие.

– Вы обдумали свою просьбу, товарищ главстаршина? – мягко спросил Букреев.

– Я все обдумала, товарищ капитан.

– Ну что же... Я согласен... – Ему хотелось назвать ее просто Таней, так, как ее называли все. – Товарищ главстаршина...

Таня подсказала:

– Иванова, товарищ капитан.

– Завтра оформляйтесь. Я отдам распоряжение.

– Разрешите идти, товарищ капитан?

Он кивнул головой, и она, подбросив вверх руку, круто повернулась и сошла со ступенек. Букреев, не оглядываясь, прошел в штаб.

– Непонятно героическое, щебечущее и своенравное девичье племя, – поднимая голову от бумаг, сказал Баштовой.

Букреев снял фуражку и, повесив ее на крюк, вбитый в стену; сказал:

– Определение, пожалуй, верное, товарищ Баштовой.

– Слова контр-адмирала. Он, помню, рассказывал, как впервые девушек послали на базу...

– Интересно.

– Ну, можете себе представить! Впервые на флоте девчата... Переворот. Пошла ревность и тому подобный ассортимент. Потом все вошло в берега.

– Все же не женское дело быть автоматчиком, – убежденно сказал Батраков. – Противоземное дело. Женщина не должна палить из ружья, бросаться в атаки, а может быть, и в рукопашную.

– Тяжело. Но ничего не поделаешь, – заметил Букреев.

– Когда Новороссийск отштурмовали, я видел на каботажке убитых девчат из бригады Потапова, – вспомнил Баштовой. – Одной живот осколком распорол, второй – такая была черноглазенькая Маруся – полчерепа оторвало. Верно, – тяжело и дико.

– Но вот вы скажите, девушки в бою храбрые? – обратился Букреев к Баштовому. – Конечно, ваша жена не в счет.

– Храбрые? – переспросил Батраков. – Храбрые. Но только потому, что всего не понимают.

– Не представляют?

– Может, и не представляют, Букреев.

– Храбрые и самоотверженные, – сказал Баштовой. – Если девушку пошлешь под огнем как связного, пойдет и дойдет. Если прикажешь вперед в атаку, – не задумывается. Если нужно не сойти с места в обороне, – не сойдет. Это мое личное наблюдение, и никто не станет оспаривать его.

– Оспаривать не буду. – Батраков засунул в ящик стола бумаги, которые он просматривал. – А вообще шут с ними! Пойдем есть рагу. Вон, поглядите... – Батраков забарабанил пальцами по стеклу.

Букреев и Баштовой подошли к окну. К Тане, стоявшей у обрыва, подъехал на мотоцикле Курасов.

Поговорив о чем-то, Курасов и Таня вернулись к мотоциклу. Курасов устроил Таню на багажнике, сел впереди, оглянулся, упираясь ногами в землю. Таня положила ему руки на плечи. Курасов нажал стартер. Мотор затрещал, и через минуту голубая полоса отработанной горючей смеси повисла над кустами по дороге в горы.

Глава десятая

Выход батальона задерживался. Это помогло лучше провести подготовку. Войска Северокавказского фронта 9 октября завершили разгром таманской группировки противника и полностью очистили от немцев Таманский полуостров, тем самым закончив начатое раньше освобождение оккупированной немцами территории казачьей Кубани. Доведя свои войска до водного барьера Керченского пролива и тем сузив протяженность фронта, командующий, генерал-полковник Петров, выполняя приказ Ставки, отдал на центральные участки советско-германского фронта значительную часть своих дивизий. Еще до того, как была разгромлена группировка немцев за «голубой линией» (как называли ее германские генералы из-за обилия водных преград), командующий отпустил с Кубани кавалерийские полки кубанских казаков, шедших с ним от Каспия. Кавалерия при атаке укрепленного и холмистого Таманского полуострова не имела оперативного простора, а переданная на Украину, значительно помогла армиям, действовавшим по северному Приазовью, Днепру далее к Одессе. Теперь уходила еще часть войск – участников освобождения Северного Кавказа и Кубани – для новых подвигов, о которых вскоре узнала вся страна.

Фронт вышел к морю, и потому снова возрождалась Отдельная Приморская армия. Появились новые армии и дивизии, прославившие себя на Кавказе и Кубани; появились новые имена военачальников – Леселидзе, Гречко, Хижняка, Провалова, Лучинского, Вершинина, Ермаченкова и многих других.

На фоне грандиозных военных событий были мало заметны имена скромных офицеров батальона.

Букреев отлично понимал свое значение в общем гигантском механизме, собранном руками великого Маршала для окончательного разгрома врага. Он знал одно: ему был доверен батальон, и он должен сделать все, чтобы оправдать доверие и выполнить в полную меру своих сил порученную ему задачу.

...Манжула, своими постоянными заботами напоминавший Хайдара, нашел для своего командира комнатку у тихих хозяев-старичков. При появлении у них такого важного, по их мнению, квартиранта, они еще больше притихли, ходили бесшумно, а по ночам о чем-то долго перешептывались в соседней комнате. Комнатка, занятая Букреевым, была в провинциальном вкусе: начиная от обязательного фикуса в глиняном горшке и до выпиленных лобзиком настенных украшений. Она обладала одним несомненным, впрочем, достоинством – выходила окнами в сад.

На аллеях лежали мягкие листья, осыпавшиеся с деревьев. С тихим шелестом залетали они на серое дно заброшенного фонтана, украшенного статуей метателя ядра с отсеченной кистью правой руки.

В короткие минуты отдыха Букреев бродил по саду, ощущал увядание деревьев, едва согретых скудным уже солнцем поздней осени.

Дома почти по всей улице были разрушены. Улицу как бы повалили наземь. Прибрежным домам особенно досталось от германских «штукасов». Улица обрывалась у бухты, подрезанная глубокими окопами, оплетенными колючей проволокой. Все прибрежные города превращались в крепости, раскидывали в стороны крылья минных полей и траншей... Вражеский десант угрожал приморским городам; к борьбе с ним готовились.

Немцы еще ни разу не рискнули высадить десанты, хотя при стратегическом наступлении в их руках были удобные базы и отличные десантные суда, переправленные на Черное море из Ла-Манша. А сколько раз немцы видели у захваченных ими берегов суда черноморцев и черные бушлаты наших моряков?

В Новороссийске Букреев детально изучил систему германских приморских укреплений. Мины, ползучка, спрятанная в траве, проволока в несколько колов, траншеи с бетонными колпаками для пулеметов и противокатерных пушек, хода сообщения ко второй линии окопов, убежища от бомбежек и артогня. Дальше – бойницы в стенах и фундаментах зданий, баррикады и перед ними снова мины и волчьи ямы. Укрепления были сломлены героями сентябрьского штурма; они были окроплены кровью черноморцев. Это были первые жертвы на пути к освобождению Севастополя.

Букреев требовательно проводил подготовку батальона.

Штурм с моря должен быть молниеносным. Придавленный подготовительным огнем артиллерии противник должен увидеть перед собой стремительных матросов-десантников. «Сломив берег», надо штурмовать в глубину. Врагов, оставшихся в живых, заливают лава второй волны, а группы прорыва, вломившись в глубину обороны, двигаются вперед и вперед. Первый удар – все! Неудача первой волны – провал всей операции. Батальон шел в первой волне штурма Крыма.

Букреев приказал организовать на берегу моря тренировочные площадки. Десантники учились сбегать по трапу на берег, занимать свои места на корабле, высаживаться по трапу и вплавь. Каждый обязан знать, кто за кем сбегает с корабля, чтобы при ночной высадке не вышло беспорядка. Выбирая тип судна, Букреев, так же, как и его предшественники, остановился на мелких судах. Они могли вплотную пристать к берегу, и люди, особенно в условиях зимней высадки, не выкупавшись в воде и не промерзнув, конечно, окажутся боеспособней. Кроме того, высадка с мелких судов может пойти быстрее, а в десантной операции приобретает значение каждая секунда.

Секунда – приготовились; секунда – судно у берега, секунда – бросились и дальше по стуку секундной стрелки – уцепились, полетели гранаты, первый прыжок, пока еще не укатился грохот разрыва, штык и кинжал у горла врага!

Опыт показал, что для удобства управления боем десантный отряд надо делить на небольшие штурмовые группы с таким расчетом, чтобы каждая группа была посажена на одно судно и могла самостоятельно сражаться, но одновременно не утрачивать единства целого. Комок ртуты, брошенный на ладонь, вначале рассыпается, но тут же стягивается воедино мускульными движениями собранной воронкой ладони. Так ощущал Букреев опыт предшественников. Ртуть должна обязательно сбегаться к центру. Обязательно. Мельчайшие частички, распыленные на большой площади, – ничто. Букреев инстинктивно сжимал кулак и долго держал его сжатым.

Батальон не мог сразу брать с собой тяжелое оружие – орудия, танкетки. Быстроту «первого броска» ничто не должно стеснять. Артиллерия должна поддержать его с нашего берега. Поддержать не только на том участке, где будут нанесены секретные линии удара, но и на широком фронте, чтобы сбить с толку противника и распылить его внимание.

Букреев посещал артиллеристов и советовался с ними. На Тамань ушли гаубичные и пушечные артиллерийские полки, батареи подвижного дивизиона Солуянова, известные расчеты офицеров Исаюка, Гарматы, Андрианова... Но оставались береговики – опытные люди, понимавшие, чего хотел от них Букреев. Для широкого артиллерийского наступления с элементами демонстрации нужно много пушек. Сотни стволов должны быть направлены на противника. Кроме того, должно быть и нападение с воздуха. Букреев понимал, что успех десанта зависел не только от подвига группы моряков, но и от объединенных усилий армии, флота и авиации, направленных к одной цели. Порвется одно звено в этой цепи, и может рухнуть в море протянутая через пролив цепь. Летчики и артиллеристы должны точно знать, где находятся люди десанта. Поэтому надо изучить связь, сигнализацию, – тот условный язык, на котором можно разговаривать, чтобы достигнуть успеха.

Батальон брал с собой все, что нужно: телефонные аппараты, радиостанции, кабель, захватывал с собой артиллеристов-корректировщиков, чтобы они могли по радио направлять огонь батарей. Но нежная аппаратура «высшей связи» могла быть повреждена, – ведь немного нужно, чтобы вывести ее из строя. Поэтому на вооружение поступала дублирующая система «низшей связи». Батраков и Баштовой рекомендовали установить связь внутри боевых групп – рот и взводов.

Батраков внимательно присматривался к деятельности командира батальона, помогал ему, но все же иногда скептически относился к ведущейся Букреевым «кропотливой подготовке».

– Надо, пожалуй, основное постигать на практике, – сказал однажды Батраков. – Нельзя все предусмотреть. – Он застенчиво улыбнулся и добавил: – Я чувствую, что мы можем «перезаниматься». Получается, как у коровы, когда вымя полное, несдоенное молоко перегорает... Что, если нам дать передохнуть денек. Да устроить... баньку.

После этого разговора последовало решение: «Суточный отдых, баня и культурные развлечения».

Роты направлялись в гарнизонную баню. Наконец-то они шли по улицам города налегке. Молодые люди, с которых было снято бремя оружия, расправили плечи, повеселели.

Наблюдая за своими людьми, Букреев вспомнил майора Тузина. Он ушел незаметно, куда-то заместителем начальника в тыловую часть. Букреев припомнил его суждения о сложности роли командира в отряде морской пехоты и невольно потрогал свою морскую фуражку.

Батраков стоял рядом с ним, влюбленно посматривая на своих «орлов». На его голове была все та же фуражка с цветным околышем. Букреев рассказал Батракову свой разговор с Тузиным о «маскараде». Батраков внимательно слушал комбата.

– Чепуха! Что тот Тузин понимает?

– Но вы-то... носите пехотную фуражку, – заметил Букреев.

– Я? – Батраков расплылся в улыбке. – Ко мне так привыкли. Вроде военной хитрости: красный околышек во время боя видней.

– Для противника?

– Чепуха – для противника! Для противника я не стал бы стараться. Для своих... Ведь у нас ни погон не бывает на ватниках, ни других различий. А в бою все так закопятся, так становятся похожи друг на друга, что отличить невозможно. Вот тут и нужно отличие. У меня – околыш.

– Вот оно что? Тогда меня могут с кем-нибудь спутать, – пошутил Букреев.

– Кому надо, не спутает.

...Таня шла рядом с командиром пулеметного взвода Горленко. Девушки гарнизона имели свой банный день, но как медицинская сестра она должна была, проводив роту, дежурить на санпосту.

– Таня и Горленко служили вместе в 144-м батальоне у Острякова. Вместе сражались на перевале, – сказал Батраков.

– Вот оно что! Не знал...

– Такие подробности сразу и не узнаешь, – ответил Батраков, с восхищением вслушиваясь в грянувшую песню:

Не остановит никакая сила
Девятый вал десантного броска.
Пусть бескозырку за борт ветром сбило,
Земля родная, крымская, близка!

– Слышите? Это, пожалуй, получше «Софии Павловны».

– Новая песня?

– Новая... Яровой сам роту подучил. Хороший он парень, этот Яровой.
Матросы пели:

Девятый вал дойдет до Митридата, —
Пускай гора над Керчью высока.
Полундра, фриц! Схарчит тебя граната!
Земля родная, крымская, близка!

Глава одиннадцатая

Ночью Букреев обходил казармы батальона. Он шел уверенными шагами хозяина по выскобленным до желтизны полам коридоров и делал кое-какие замечания дежурному Цыбину. Манжула неслышно двигался за ними.

Люди спали, разметавшись после жаркой бани, на соломенных матрацах, на нарах, сколоченных из толстых ветвей деревьев и теса. Букреев с удовлетворением видел, что теперь уже никто не спит на полу в одежде и обуви, под головами у людей подушки, а не коробки с пуле-метными лентами или автоматные диски. Оружие, поблескивая сизой смазкой, стояло в пирамидах. Букреев находил, что Геленджик достаточно удален от фронта, чтобы искусственно не создавать здесь фронтовые условия и доматывать силы людей после тяжелых полевых занятий. Солдат должен уметь молниеносно изготавиться по тревоге, но его нельзя беспрерывно держать в напряжении.

Моряки, в свое время приученные на кораблях к аккуратности, быстро возродили и на суше корабельные порядки. Но все же приказание Букреева о побелке стен встретили неодоб-рением: «Чего их белить? Все равно скоро уходить». Сейчас, видя выбеленные стены, застек-ленные рамы, чистые постели и полы, Букреев был доволен.

Уставшие за день люди спали тревожным, но глубоким сном. Это были молодые люди, оторванные от семей, от личного счастья.

Ежедневно в батальон приносили сотни конвертов, и, когда почтальон вытряхивал мешок с письмами, их быстро расхватывали сильные, подрагивающие от волнения руки. Люди вскры-вали конверты и жадно читали письма, оставаясь наедине с теми, кто называл их в письмах Петями, Колечками, Ванечками... Им писали матери, отцы, жены, сестры, любимые девушки, оставленные там, за чертой фронта. Для них – они прежние: ласковые, нежные, застенчивые ребята; дети – для матерей, братишки – для сестер, сверстники – для девушек, учившихся вместе с ними в школах, маршировавших в пионерских лагерях, танцевавших на вечеринках.

Бойцы разглаживали листки писем, скупно делились новостями с товарищами. Но вот кто-то крикнул: «Петька, расслюнявился! Мамкину титьку захотел?» Грубая шутка летит, как камень, в раскрытую душу. Уже нет счастливых улыбок на лицах, нет умиротворенного выра-жения, замерла рука, по-дружески толкавшая приятеля: «А у нас, мол, дома...»

Большие, неуклюжие противотанковые ружья стояли рядами в специальной пирамиде, с гнездами для прикладов. Тут же – ящики с патронами. Яровой спал на койке, строго сдвинув брови и сложив на груди смуглые руки. Любимец своей роты, он заслужил погоны офицера на поле боя. Яровой – лучший пропагандист батальона; о нем неизменно хорошо отзывался Батраков. Позади Ярового спали бойцы его роты. Казалось, рота и сейчас распределилась так, чтобы мгновенно, по приказу своего командира, броситься к оружию.

Каганец отбрасывал на лица спящих неровные световые блики. Букреев заметил, как Яровой чуть приоткрыл глаза и взглядом провожал его, пока он осматривал оружие, обувь, промоченную при высадке.

– Обувь надо просушивать, – сделал Букреев замечание Цыбину. – За этим должны сле-дить дневальные.

Пулеметчики Степняка спали в большом зале на нарах, окруживших поставленные в ряд пулеметы, укутанные промасленными чехлами. Степняк лежал так, что его голова была ниже порывисто подымавшейся от дыхания крутой, волосатой груди. Во сне подрагивали и насмеш-ливо кривились губы, и у глаз, оттененных длинными, словно девичьими, ресницами, собира-лись насмешливые морщинки. Рядом со Степняком спал сержант Василий Котляров, бывший пулеметчик мотобота, прошедший свой путь от Измаила до Геленджика, а с другой стороны – Шулик и длинновязый Брызгалов. У Шулика совсем юное лицо, русые рассыпавшиеся после

мытья волосы, тонкое запястье руки и на ней – татуировка, наполовину прикрытая рукавом тельняшки.

Брызгалов в отличие от своего друга спал тревожно, лежал на животе, уткнув лицо в ладони. Он глухо стонал, иногда громко вскрикивал. Тогда стриженная его голова приподнималась от подушки. Поводив сонным мутным взором по комнате, он снова опускал голову на ладони и засыпал.

Дневальный Курдюмов, или дядя Петро, как называли его в батальоне, так как он был единственным человеком старше сорока лет, стоял возле Букреева, осматривавшего пулеметы, и с неудовольствием следил за бормотанием Брызгалова. Брызгалов опять закричал. Курдюмов придвинулся к нему и слегка толкнул его прикладом винтовки.

Брызгалов поднялся, протер глаза.

– Тревога?

– Спи, спи... тише, – зашипел Петро. – Командира побудишь. Сам знаешь, какой у него сон соловьиный.

Брызгалов, так и не поняв, что от него требуют, повел тем же бессознательным взглядом по Букрееву и Цыбину и заснул.

– Тут девушки, товарищ капитан, – сказал Цыбин, когда они остановились перед закрытой дверью.

Букреев повернулся и своей молодцеватой походкой кавалериста молча вышел на улицу.

– Вы можете идти отдыхать, – сказал он Цыбину.

Цыбин ушел. Букреев, ожидая пока шофер и Манжула заведут остывший мотор «газика», смотрел, как дрожит искристый свет прожектора над острыми верхушками деревьев на той стороне, в Солнцедаре. Сюда, с тяжелобомбардировочных аэродромов, работавших всю ночь, доходили неумолчные шумы. Море плескалось о камни, где-то далеко подвывал шакал и слышался однообразный шум автоколонн, идущих через Михайловский перевал к Тамани, где собирались силы наступления.

– Куда сейчас, товарищ капитан? – спросил Манжула.

Мотор урчал на малых оборотах. Водитель пробовал передачи, рычали шестерни сцеплений.

– Домой, Манжула, – сказал Букреев. – Сегодня и мы должны отдохнуть.

...Цыбин постоял у окна, наблюдая, как светлый ус автомобильных фар последний раз скользнул по черепичной крыше невысокого домика и погас.

– Беспокойный командир, – сказал Цыбину незаметно подошедший дядя Петро. – Что бы спать...

– Каждому свои заботы, – ответил Цыбин и пошел через казарму первой роты к девушкам.

Они были устроены в отдельной комнате. Все достали моряки – койки, одеяла, подушки, чтобы скрасить быт девушек. На окнах висели занавески, сшитые из марли. И у них стояла пирамида с оружием.

Девушки спали, за исключением Тани и Нади Котляровой, сестры-хирургички, некрасивой плотной девушки с мужскими плечами и прямыми, коротко остриженными волосами, перехваченными дешевым гребнем.

– Не спите еще? – сказал Цыбин.

– Не спим, – ответила Надя.

– Командир батальона обход делал. Хотел к вам зайти, не зашел.

– Напрасно, – сказала Таня.

Цыбин пристально посмотрел на нее и, ничего не сказав, обратился к Наде:

– Письмо читаешь?

– Письмо, товарищ старший лейтенант.

– Плакала, что ли?

– Может быть. – Надя натянула одеяло до подбородка.

– Меньше к сердцу принимай, что из дому пишут. Помню, стояли мы на Шапсугском перевале... Вы, кажется, там тоже были, Таня?

– Была.

– Так вот... Стоим насмерть, позади море, флоту быть или не быть, досада такая, что, кажется, грыз бы кулаки, а тут письмо от жены... Долго кружило, через Грузию, пока пришло из Сибири на Шапсугский перевал. И в том письме только про одно – телка сдохла. Не знал я той телки, без меня купили, без меня сдохла, и целое письмо про телку. Слезы и тому подобное. А тут за флот душа болит. Что она понимает там, в Сибири, жена моя...

– Ее винить тоже нельзя, – сказала Надя, – у нее свое, у вас свое.

– Может, и так, – согласился Цыбин и, постояв еще с минуту, ушел медленными тяжелыми шагами.

Надя заплакала, утирая слезы пододеяльником. Таня, перегнувшись к ней со своей кровати, утешала. Надя плакала над письмом брата, вернувшегося из госпиталя без ноги, и слова утешения были для нее, как часто бывает в таких случаях, какие-то пустые.

– Хорошо хоть жив, Надюша.

– Без ноги, – всхлипывает Надя. – Девятнадцать ему всего... Всего девятнадцать.

Таня пересела к ней на кровать, накрылась одеялом и сидела, прислонившись к Наде, поглаживая ее волосы.

– Горе везде, Надя. Война принесла много горя.

– Я знаю, знаю... Иди, Таня. Ты замерзла. Обулась бы. На мои... Простудишься...

Надя пошарила под кроватью и насильно сунула ноги Татьяны в свои мокрые ботинки. Сырость поползла от них по всему телу, но Таня не могла сразу же сбросить так трогательно предложенную обувь. Дождавшись, когда подруга затихла, Таня сняла ботинки и прыгнула в свою постель. Надя повернулась к ней:

– У тебя тоже есть горе, Таня?

– Есть.

– Прямо не верится. Ты такая красивая, образованная и...

– Что?

– Счастливая с виду...

– Счастливая? Почему ты так решила, Надя?

– У тебя хороший жених.

– Ты разве знаешь его?

– Знаю.

– Кто же?

– Капитан-лейтенант Курасов.

– Кто тебе сказал?

– Все знают. Гарнизон невелик.

– Вот оно что. – Таня задумалась. – Да, он хороший, Надя.

– И все же есть горе и у тебя... Я не спрашиваю – не надо. Зачем? А то опять разревусь...

Где бы ему устроить хороший протез? С протезом было бы совсем незаметно.

Надя тяжело вздохнула, отвернулась и притихла.

...Батраков сидел за столиком в комнатке небольшого домика, где он жил вместе с начальником особого отдела и помощником комбата по хозяйственной части, и писал письмо жене. Он до обожания любил свою семью, отделенную сейчас от него тысячами километров, но еще более родную от перенесенных страданий. Жена и трое детей ушли из Ленинграда под бомбежками и с трудом дотянулись до Кировской области, где и задержались. Там умер их ребенок. Письмо о смерти сына Батраков получил в госпитале в Сочи, где лечился после того,

как в Севастополе, отброшенный взрывом артиллерийского снаряда, был тяжело контужен и почти потерял слух.

Мало кто знал, что «комиссар», холодно опускающий в карман письмо жены, оставшись один, торопливо разрывал конверт и десятки раз перечитывал каждую строку, как бы впитывая в себя то, что писали ему жена и старшая дочь, которую он представлял себе только такой, как видел в последний раз, – с тонкими косичками, в коротком сереньком платьице и с папкой нот.

Батраков писал, улыбаясь тем строчкам, где в юмористических, ободряющих тонах расписывал свое жите-е-бытье, и насупливаясь, когда все же приходилось кое о чем поговорить серьезно и подсказать, как придется поступить, если...

Горбань дремал в проходной комнате на топчане. Он давно бы заснул, но хотелось предложить «комиссару» ужин: молоко, добытое за шесть километров, и вареные всмятку яйца. Он пытался было войти к капитану с ужином, но тот замахал на него руками – пришлось скрыться.

Горбань дремал, свесив одну ногу с топчана, надвинув на лоб бескозырку, обняв левой рукой автомат. В полудреме он думал об оплошности Манжулы, сосватавшего комбату комнату в противоположной части города, куда без машины не так-то легко добраться. Хотя и Манжулу обвинять было несправедливо: не мог же он поступиться удобствами комбата ради удовольствия постоянного общения двух друзей с линейного корабля «Севастополь»!

Горбань думал, что начальники их батальона, сухопутные военные специалисты, слишком много занимаются подготовкой к такому простому делу, как сражение. Чего, казалось бы, легче – ворваться с моря с «полундрой» на берег и расшвырять неприятеля? Горбаню нужно было отличиться на суше, чтобы загладить свой малый грех и снова возвратиться на линкор. Но когда же представится возможность отличиться в бою? Не придется ли ему всю войну вот так продряхать на топчанах, таская с собой оружие, могущее истребить не менее сотни оккупантов.

Горбань, вспомнив, что у него против худых мыслей припасена бутылка с вином, поднялся и подошел к шкафчику. Послышались звяканье железной кружки и бульканье. Горбань уже поднял наполненную вином кружку, когда зазвонил телефон.

Медленно поднимая к уху трубку, Горбань услышал голос начальника штаба, срочно требующего капитана Батракова. Тон был такой, что нужно было (хотя этого не мог видеть начальник штаба) вытянуться, произнести «есть» и сразу, ворвавшись в комнату к замполиту, сообщить ему вызов начштаба. Батраков обладал способностью понимать Горбаня с полуслова. Он встал, с шумом отодвинул стул и направился к телефону. Разговор был чрезвычайно короток – он походил на обмен условными сигналами.

– Найти немедленно помощника по хозяйственной части, – приказал Батраков, – и в штаб.

– А вы куда, товарищ капитан? – Горбань бросился за ним.

– Исполнять! – отрезал Батраков, не оборачиваясь. – И с ним ожидать нас в штабе.

Горбань сообразил, что означает слово «нас», бросил вдогонку капитану привычное «есть» и, не проверив даже, кто подъехал за замполитом на машине, исчез в темноте.

Глава двенадцатая

Сняв гимнастерку и сапоги и надев туфли, Букреев расхаживал по своей комнате. Он только что перечитал письма жены, переадресованные ему из П. Письма были ответом на его телеграмму, в которой он сообщал, что вызов семьи к нему откладывается на неопределенное время. Занятый по службе, Букреев тогда быстро пробежал глазами неровные строки письма жены; в нем наряду с тоской по мужу были жалобы на быт, на разные домашние дела, которыми жена была обременена в далеком и чужом городе. Тон письма тогда неприятно кольнул его. Предстояло большое и опасное дело, и в сравнении с ним заботы жены показались мелкими. Теперь он мог разобраться во всем «на свободе». Шагая по комнате, он прикидывал, чем можно сейчас помочь семье. «Черт возьми, как все же долго, оказывается, тянется война, если у нее износились туфли и платья и девочки повзростели так, что им уже меняли башмаки! Удивительно! Что же сделать для них? Написать горсовету, чтобы выдали какие-нибудь ордера на одежду и обувь? Неудобно просить. Сколько сейчас таких, как он. У нее есть аттестат. Но что значит его тысяча рублей в сравнении с теми ценами, о которых она пишет? Лучше всего выписать семью поближе к себе. Тут легче жить и обернуться. Но как? В настоящее время это неудобно, да и нехорошо сейчас заниматься личными делами».

За тонкой перегородкой слышался голос Манжулы и стариков хозяев. Букреев невольно прислушался к разговору за стеной.

– Разве можно так? – сокрушенно говорил старик. – Сколько он спит? Три часа в сутки.

– Что потопаешь, то полопаешь, дедушка, – ответил ему Манжула.

– Может, чайку подогреть? – вмешался робкий голос старушки.

– Какой же чай, бабушка, раз достал я два кавуна и парного молока, – ответил Манжула.

– Нельзя мешать молоко и арбуз, для желудка плохо.

– До войны нельзя было, бабушка, а зараз все можно. Зараз все смешалось.

Букреев постучал в стенку. Манжула появился в дверях.

– Я вас слушаю, товарищ капитан.

– Вы, товарищ Манжула... – Букреев подыскивал слова, – дали бы... покой хозяевам.

Они же пока не у нас в батальоне.

– Есть, товарищ капитан. Вы приказали...

– Тише. – Букреев вздохнул. – Теперь ответьте мне: где у вас семья?

– У меня нет семьи, товарищ капитан.

– Нет?

– Так точно, нет, товарищ капитан.

– И не было?

– Была, товарищ капитан.

– Где же она сейчас, ваша семья?

– Всю немцы уничтожили, товарищ капитан.

Манжула стоял неподвижно, коричневый и скрученный из мускулов, действительно «корень», как назвал его когда-то Курасов.

– Отдыхайте, Манжула, – после длинной паузы скатал Букреев. – Вы мне сегодня не понадобится.

– Я приготовил ужин, товарищ капитан.

– Оставьте его на завтрак...

– Есть, товарищ капитан.

За стеной после ухода Манжулы наступила полная тишина. Букрееву даже стало тягостно. Хоть бы кашлянул кто-нибудь или перекинулся словом. Его приказ был выполнен Манжулой с поразительной точностью. Надо было отвечать жене насчет всего: и когда наконец

будет встреча, и об обуви детям, и еще о многом другом. Букреев взял чистый лист бумаги, карандаш и долго сидел, задумавшись, не зная, как приступить к щепетильному делу, как ответить на все три письма жены, чтобы она не обвинила его в черствости, в нежелании помочь хотя бы советом... Он знает, что ей не легко, но так же живут и другие...

Подъехавшая к дому машина вывела его из задумчивости. Кто-то шел по саду. Кто бы это мог быть? Букреев раздвинул шторы на окне. На крыльце стоял человек. Стук. Так стучал Батраков. Впущенный Манжулой, замполит вошел в комнату и своим тихим голосом передал срочный вызов контр-адмирала.

Пока Букреев натягивал влажные сапоги, Батраков рассказывал о том, что, вероятно, Звенягин уже поднял корабли по тревоге; по огонькам заметно движение.

Букреев защелкнул пряжку пояса и поправил пистолет.

– Очевидно, идем морем?

– Стало быть, морем.

– Неужели сразу в десант?

– Что? – переспросил Батраков.

– Я говорю, неужели сразу отсюда в десант?

– Не думаю. – Батраков пожал плечами. – Если высаживаться куда-нибудь на Судак или Алушту, тогда другое дело, но на Керченский отсюда невыгодно.

Они вышли к машине в сопровождении Манжулы. На яблонях покачивались верхние ветви, с шелестом падали последние листья. В проломах туч, идущих от мыса Дооб, как в прорубях, отражались звезды. У причалов Тонкого мыса зафыркали моторы. Машина шла мимо темных редких домов и высоких деревьев, будто только сейчас сбежавшихся вместе. По дороге из Кабардинки, то пропадая, то появляясь, бежали автомобильные огни. Может быть, кто-нибудь спешил сюда с флотского командного пункта.

Батраков сидел рядом с Манжулой, спокойный, молчаливый и как будто равнодушный ко всему. Букреев хотел перекинуться с ним словечком, но неожиданно почувствовал досаду на своего заместителя и одиночество. Он не мог тогда еще понять и оценить поведение человека, для которого приближение бури лучше ненадежного штиля.

У Мещерякова сидел, как всегда, тщательно выбритый, предупредительный Шагаев. В штабе все было по-прежнему спокойно. Карта военных действий советско-германского фронта была исколота булавками, прихватывавшими красный шерстяной шнур. На левом фланге фронта шнур делил на равные части Керченский пролив, уходя вниз от косы Чушки и западной оконечности Таманского полуострова и обрываясь разломаченными линиями на траверзе мыса Панагия.

Мещеряков говорил по телефону с командующим флотом, когда в кабинет вошли Букреев и Батраков. Предложив им кивком головы садиться, контр-адмирал продолжал разговор. Положив трубку, он встал, поздоровался с Букреевым и Батраковым, неторопливо разъяснил им цель вызова и их задачи. Они сводились к тому, что нужно было по тревоге поднять батальон, обмундировать в новое зимнее, погрузить на суда и выйти к фронту. На сборы и погрузку давалось два часа. Все хозяйственное имущество и обоз оставлялись. С собой надо было захватить только носимый запас боеприпасов и провианта.

– Моряки вас доставят в целости и сохранности до Таманского полуострова, – веселым голосом закончил Мещеряков. – С моря вас отлично обеспечат, а с воздуха позаботится генерал Ермаченков... Желаю удачи, Николай Александрович и... Николай Васильевич. Какое совпадение! Сразу два Николая. Добрый знак! Николай-то Мирликийский всегда был добрым хранителем моряков. А тут сразу два Николая! – Мещеряков провожал Букреева и Батракова. – Мы с Шагаевым от вас далеко не отстанем. Машиной выезжаем, как только справимся со всеми делами. Но на Таманском полуострове наш старший начальник – командующий фронтом. Ваш начальник и мой начальник.

У дверей, предупредительно раскрытых адъютантом, контр-адмирал остановился, хлопнул себя по лбу.

– Вот память, чуть было не забыл! – лицо Мещерякова стало серьезным. – Насчет ваших семей...

У Батракова сразу вспыхнули уши и побледнели щеки.

– Что с семьями?

– Ничего худого, Николай Васильевич! Просто мы втихомолку от вас договорились с Военным советом и решили ваши семьи выписать в Геленджик. Поближе к вам...

– В Геленджик? – Букреев удивленно посмотрел на Мещерякова.

– Здесь скоро будет вполне безопасно, Николай Александрович.

Букрееву стало неловко, так как контр-адмирал мог неправильно понять его удивление.

– Я не насчет безопасности семьи, товарищ контр-адмирал. Хотя это тоже важно... Но моя семья очень далеко отсюда...

– В Самарканде. Знаем и улицу, и номер дома.

– Им будет трудно самим выехать оттуда, так же как из Кировской области семье Батракова. У нас детворы много.

– Моя жена сама выедет, – обрадованно перебил Батраков, – отлично выедет! Ко мне выедет хоть на край света.

– А все же мы направим за ними людей, – сказал Мещеряков, улыбнувшись. – В Кировскую область поедут моряки-вятичи, побывают и у себя дома и привезут «батрачат». А в Самарканд мы решили направить Хайдара.

– Хайдара? Вы знаете Хайдара, товарищ контр-адмирал?

– О, вы, по всему видно, Букреев, плохого мнения о нас! – Мещеряков указал на себя и смеющегося Шагаева, стоявшего рядом с ним. – Хайдара, кстати, обнаружил товарищ Шагаев. Ему же принадлежит инициатива вызова сюда ваших семей. Ну, спешите, еще раз желаю удачи на переходе. А в Тамани встретимся.

Букреев и Батраков молча сели в машину и поехали, не проронив ни слова, почти до самого порта. Подъехав к порту, они присмотрелись к сторожевым кораблям, подходившим к причалам. Звенягин привел свой дивизион, и порт как бы проснулся. Вспыхивали фонарики, освещая то часовых с автоматами на груди, то конную бричку с высокими колесами, заваленную клейменными мешками с мукой, то моряков в высоких сапогах и кожаных костюмах.

Когда снова пошли безжизненные улицы, голые деревья и черные кусты, Батраков приник к уху Букреева и громко сказал:

– Умница-то адмирал, а? Теперь надо воевать хорошо... Чтобы вернуться.

Глава тринадцатая

Батальон, поднятый по боевой тревоге, выстроился во внутреннем казарменном дворе. По-прежнему неумолчно, дремотно-лениво шумело море, и в лесу, у гор, плакали не то совы, не то южные филины.

Вызванные из строя ротные и взводные командиры отделились от своих шеренг, подошли, отковыряли. Выслушав комбата, офицеры не задавали вопросов – все было известно: получить новое зимнее обмундирование, боевые припасы и выйти к местам погрузки. Командиры разъяснили задачу своим подразделениям, и люди, повинаясь отрывистым, отданным вполголоса командам, побежали в казармы.

– После того как мы сами переоблачимся, я соберу на несколько минут парторгов и комс-оргов, – сказал Батраков.

– Хорошо, – согласился Букреев, – и, кстати, надо посмотреть, чтобы люди ничего лишнего не набирали. Сундучки и все лишние вещи сразу же сдавать.

В казармах люди переодевались в ватные стеганные куртки и штаны, армейские гимнастерки, меняли сапоги и ботинки. Не слышалось обычного при побудках балагурства. Бойцы были внимательно серьезны. Новички, следуя ветеранам, тщательно осматривали свои вещевые мешки, облегчая их, пришивали дополнительные карманчики для запалов. Полученные всеми меховые шапки прятали в мешки и оставались – пусть в старых и холодных, но родных бескозырках. Черные верхи бескозырок затягивали чехлами хаки, чтобы днем при палубной перевозке не демаскировать корабли.

Ровный густой гул стоял в казармах.

Помощник комбата по хозяйственной части, толстый и обычно медлительный человек, бегал по коридорам, покрикивал, суетился. Он побаивался комбата и, заметив его, еще пуще старался показать свое служебное рвение. Он разносил угрюмого старшину, работающего в складе материально-технического снабжения.

– Что случилось, товарищ старший лейтенант? – спросил Букреев.

– Маята, маята, товарищ капитан! – Он вынул платок, вытер потную шею. – Беда, если сам не досмотришь, сам не проследишь. Вот этот, – он указал на старшину, – полторы сотни противотанковых гранат передал пулеметчикам. Все набиваются патронами и гранатами до пазух...

– А что же, консервами набиваться, – строго перебил его Батраков, – или лапшой?

– Но ведь мне разъяснили, что боевые припасы они получают там, а я должен выдать только обычную норму.

– Где там? – спросил Букреев.

– На Тамани. В армейских складах, товарищ капитан. А продпаек выдаю я на пять полных суток. А они все требуют гранаты и патроны...

Букреев посмотрел на Батракова, на его смеющиеся глаза и понял, что такое поведение моряков ему по сердцу. Но приказ его, комбата, должен быть беспрекословно выполнен. Впереди был поход, и неизвестно, когда они дойдут до конечного пункта.

– Продовольствие, – Букреев помедлил, – должно быть захвачено полностью, до последнего грамма. И вы мне за это отвечаете, товарищ старший лейтенант. Боевые припасы отпущать по норме, указанной мной. Никаких самовольных поступков...

– Слушаю, товарищ капитан! А ваше обмундирование я выдал вашим ординарцам. Они вас ждут... Разрешите сопроводить, товарищ капитан?

– Продолжайте заниматься своим делом.

– Подобрали обмундирование лучшее, что могли. Но извините, не в магазине... – и в этот миг помощник увидел автоматчиков, сваливших вороха старого обмундирования возле

бачков с питьевой водой. Не докончив начатой фразы, он вприпрыжку побежал по коридору, мелькая толстыми икрами, обтянутыми хромовыми голенищами сапог.

– Тузина выдвигенец этот толстомясый, – хмурясь, сказал Батраков.

– Но пока он должностное лицо в батальоне.

– Боеприпасов жалко. Что их солить?

Букреев понимал, что упрек замполита в какой-то мере относился и к нему, к Букрееву.

– Видите, Николай Васильевич, – мягко сказал Букреев. – Мне очень по душе люди нашего батальона, скажу больше – я любил их. Но мне непонятно одно...

– Что именно?

– Почему моряки, образец дисциплины и строевой четкости, сходя на сушу, кое-что забывают...

Батраков приблизился, поднес ладонь к уху, стал очень внимательным и, как показалось Букрееву, настороженным.

– Приказ есть приказ, – продолжал Букреев. – И я буду всегда требовать от своих людей безусловного выполнения приказа.

– Правильно. Но чем они приказ нарушили? Берут больше гранат? Ну и пусть берут на здоровье.

– Гранаты пусть берут, но не за счет продовольствия. При операции я могу согласиться – больше боеприпасов, меньше караваев, но на подходе, когда нужно накопление сил для броска...

– Конечно, вы тоже правы, – согласился Батраков, – но десантник научен опытом. Он приучен на тету не надеяться. Вот увидите, когда пойдём на Крым, ничто его не остановит. Письма будут выбрасывать, белье, а патроны брать.

– Тогда и приказ им будет такой.

В комнате, указанной помхозом, кроме Манжулы и Горбаня их поджидали парторг батальона Линник, застенчивый, сравнительно пожилой человек, и комсомольский организатор Курилов, молодой лейтенант с узким лицом и волевым подбородком. Батраков на ходу распоясаясь, сбросил сапоги. Он начал переодеваться и одновременно инструктировал Линника и Курилова, наклонившихся к нему, чтобы расслышать его тихий и быстрый говорок. Букреев слышал, что его мысль о беспрекословном выполнении всех приказов разъяснена замполитом со строгой отчетливостью. Букреев мог лишний раз убедиться в том, что его заместитель очень практичен, целеустремлен в политработе, ясно определяет задачу коммунистов и комсомольцев в предстоящей операции. Батраков привык точно и с партийной добросовестностью выполнять свои обязанности на войне, так же, как в свое время он на Кировском заводе обтачивал на токарном станке детали; так же, как потом, мобилизованный в политотдел машинно-тракторной станции, он в башкирской деревне скромно, но с железной настойчивостью проводил линию партии, доверившей ему работу в деревне.

Теперь, в войну, он, уверенный в справедливости того, чему отдавал всю свою жизнь до сих пор, выполнял порученное ему дело. «Хороший мужик Батраков, – подумал Букреев, – с ним как-то надежно».

С сожалением сбросив свои темно-синие бриджи, залоснившиеся от седла, Букреев надел холодные и жесткие ватные брюки со штрипками. Следуя примеру замполита, он впервые надел тельняшку и на нее армейскую гимнастерку с вышитым на рукаве якорем на черном фоне шеврона, окаймленного золотым суதாகом.

– Ворот расстегнуть? Морскую душу показать? – пошутил Букреев.

– Морская душа и без показа видна. Ее нарочно не покажешь, не застегнешь. Вот какие дела, Букреев. – Батраков прикрепил к поясу полевую сумку, повесил на плечо автомат и тихо добавил: – Я пока свой народ обговорю, ты... вы... – поправился он, – черкните письмецо домой, жинке.

– Почему именно сейчас?

– Шагаев просил. Чтобы с человеком, который за ней выедет, передать. А то уйдем в десант, другие дела придут... Письма надо передать сегодня же Шагаеву.

– Хорошо, Николай Васильевич. А ты... вы?

Батраков, покраснев, вынул из кармана письмо в мятом конверте и застенчиво сунул его Букрееву.

– Вообще примета нехорошая... письма... Но у нас причина иная... Ну, я пошел.

– Через пятнадцать минут тронемся, – сказал Букреев, пристукивая сапогами, тугими от шерстяной портянки. – Сапоги я, Николай Васильевич, решил оставить старые. Не люблю необношенной обуви.

– Они у вас... ничего.

Батраков вышел в сопровождении Линника и Курилова. В коридоре на баяне заиграли «Землянку». Это была, как говорил Баштовой, любимая на Малой земле песня Цезаря Куникова. Букреев придвинул ближе лампу, вынул блокнот, вечное перо. Самарканд, как это далеко... И листок бумаги, на котором он в правом уголке поставил дату, казалось, не мог теперь дойти туда, к границам Китая и Афганистана.

Не изменяя привычке, Букреев писал крупным и четким почерком: «Родная моя Ленушка. Это письмо передаю с Хайдаром, который выезжает за вами в Самарканд. Наше желание быть вместе или хотя бы поближе исполняется в канун очень важного для меня дня. Наша будущая встреча, может быть, явится наградой мне за то, что я должен сделать. Ты догадываешься, о чем я говорю. Оснований для беспокойства у тебя не должно быть. Ведь наконец-то начинается моя прямая работа по единственной моей специальности, которую я изучал свыше пятнадцати лет. Часто, скажу откровенно, я сетовал на то, что ничем почти себя не оправдал, что спокойствие семьи моей, спасение родины добывалось как бы другими руками. Мне было тяжело, а как профессионалу-военному просто стыдно, хотя, может быть, таких, как я, и приберегали для решительного удара по врагу. Видишь, я начинаю хвастать... Итак, сегодня сердце мое бьется спокойнее, чем всегда...»

Букреев посмотрел на часы. Прошло шесть минут. Он перечитал написанное и понял, что все это не то, – не те слова. «Чепуха какая-то, – подумал он, – ведь нужно было просто рассказать по-деловому о принятом им решении о переезде и всё». Он продолжал на втором листике блокнота: «Ты выедешь вместе с детьми в Геленджик и займешь мою комнату, где я оставляю кое-какие вещи у хороших старичков хозяев. Здесь подождешь меня. Береги детей, особенно на пароходе от Красноводска до Баку. Каспий сейчас штормит, и простудить дочурок нетрудно. Во всех дорожных заботах вполне положишься на Хайдара. Ты, надеюсь, не забыла его?»

Не перечитывая, Букреев надписал адрес на конверте.

– Манжула, вот эти два письма немедленно отвезите начальнику политотдела базы капитану первого ранга Шагаеву. Оттуда – прямо к пристани.

Букреев вышел из казармы вместе с Манжулой. Батальон, готовый к походу, был уже во дворе. В коридорах на полу виднелись следы сапог, валялась солома, много рваной бумаги. Стало сразу неуютно, холодно. Где-то хлопнуло окно, и по пустым помещениям разнесся звон разбитого стекла.

Во дворе слышался тихий гомон.

К Букрееву подошли батальонный врач майор медицинской службы Фуркасов, Баштовой и Батраков.

– Я говорю нашему комиссару, что зимой неприятно идти в десант, – сказал доктор, протирая стекла очков.

Фуркасов был известен Букрееву еще по П., где доктор «следил за его сердечком».

– Прошу объяснить, Андрей Андреевич.

– Не люблю купаться в холодной воде. У меня – шут ее дери! – нудная и ничуть не романтическая болезнь, люмбоишиалгия. Что-нибудь говорит вам это название?

Фуркасов был добряком по натуре, любил поиграть в карты, выпить винца, не чурался хороших медсестер. Весь склад его характера был глубоко мирным, воинственных людей он не понимал, в чем откровенно сознавался.

– Вам-то тонуть еще не приходилось, доктор? – спросил Букреев.

– Если бы мне приходилось тонуть, вы не имели бы удовольствия видеть сейчас перед собой своего начальника медсанчасти, товарищ капитан. Я родился и рос, как вам известно, в Оренбургских степях и плаваю, как английский стальной топор.

Все коротко посмеялись.

Батальон был построен Степняком. Букреев спустился с крыльца. Сырая трава пружинила под ногами, и сырость ощущалась всем телом. Из ложины поднимался туман.

Букреев скомандовал, и голос его возвратило эхо.

Большое извилистое тело батальона поползло мимо кустов можжевельника и боярышника, похожих на огромных птиц, заночевавших возле дороги. Море из-за кустов было не видно и шумело где-то далеко внизу. Вот и белостенный домик начальника штаба. В одном окне просвечивала тонкая полоска. И ночь как бы сразу теплеет, головы людей поворачиваются к домику, и все притихают, как будто боясь растревожить его мирный покой. Среди идущих по дороге много тех, кто хорошо знает автоматчицу Олю – теперь жену начальника штаба. Баштовой побежал вперед, проститься. Теперь все слышат женский приглушенный плач, всхлипывания и расстроенный голос Баштового.

Таня, поравнявшись с калиткой, крикнула из строя: «Оля, прощай, родная!»

Возглас Тани оборвал чей-то оклик. И опять тишина, топот ног. Потерянный за изгибом дороги домик многое напомнил всем. Теперь лучше молчать и думать. Под подковками сапог вспыхивали искорки.

Баштовой догнал колонну и пристроился к головной группе офицеров.

...Пулеметная рота замыкала колонну. Шулик и Брызгалов шли в последних рядах. Позади них шли дядя Петро, бывший подводник Павленко, рассудительный украинец с Полтавщины и два друга Воронков и Василенко, вместе отслужившие еще до войны в Тихоокеанском флоте и призванные с оружейного завода, где они собирали «стотридцатки».

Шулик придерживал обеими руками тяжелый станок пулемета, прикрепленный к спине. Он недовольно по привычке брюзжал:

– Одна ночь как ночь выпала и ту отняли...

– Война ночи боится, – неопределенно утешил Брызгалов.

– Сейчас, видать, по всему фронту суета, солдату спать некогда, – сказал Воронков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.